

ОН ВЫБРАЛ МИР.
ОНИ ПРИГОВОРИЛИ
ЕГО К СМЕРТИ

Лучшее из известных мне
исследований этой трагедии.
Оливер Стоун, РЕЖИССЕР

ЗАЧЕМ УБИЛИ ДЖОНА КЕННЕДИ

ПРАВДА, КОТОРУЮ ВАЖНО ЗНАТЬ

ДЖЕЙМС ДУГЛАС

Джеймс Дуглас

**Зачем убили Джона Кеннеди.
Правда, которую важно знать**

«Альпина Диджитал»

2008

Дуглас Д.

Зачем убили Джона Кеннеди. Правда, которую важно знать /
Д. Дуглас — «Альпина Диджитал», 2008

ISBN 978-5-9614-2162-0

Разные версии убийства Джона Кеннеди описаны уже много раз, но впервые мы встречаем тщательное и объективное исследование не столько того, кто и как это сделал, сколько почему, а главное – зачем. Кому это было выгодно? Кому и чему мешал президент? После удачного разрешения Карибского кризиса президент Кеннеди сделал радикальный разворот: он решил прекратить холодную войну и связанную с ней гонку вооружений. Кеннеди перестал слушать советников и обратился к более глубокой этике и более глубокому видению мира для всех. Джим Дуглас считает, что мир сегодня выглядел бы иначе, если бы Кеннеди остался жив. Он погружает читателя в контекст внешней политики начала 1960-х годов и строит свое исследование на основе уникальных материалов, включая личную переписку Кеннеди и Хрущева.

ISBN 978-5-9614-2162-0

© Дуглас Д., 2008
© Альпина Диджитал, 2008

Содержание

Предисловие к русскому изданию	8
От автора	10
Введение	12
Хронология 1961–1963 гг.	18
Покаяние «рыцаря» холодной войны	27
Конец ознакомительного фрагмента.	58
Комментарии	

Джеймс Дуглас
Зачем убили Джона Кеннеди.
Правда, которую важно знать

ЗАЧЕМ УБИЛИ ДЖОНА КЕННЕДИ

ПРАВДА, КОТОРУЮ ВАЖНО ЗНАТЬ

ДЖЕЙМС ДУГЛАС

альпина
ПАБЛИШЕР

Москва
2019

Переводчики *Е. Калугин и М. Вторникова*
Научный редактор *Д. Евстафьев*
Редактор *В. Ионов*
Главный редактор и руководитель проекта *С. Турко*
Арт-директор *Ю. Буга*
Корректоры *Ю. Сычева, Е. Чудинова*
Компьютерная верстка *М. Поташкин*
Иллюстрация на обложке *Gettyimages/The Estate of Jacques Lowe*

© James W. Douglass, 2008

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблишер», 2019

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Посвящается Винсу Саландриа и Марти Шотцу, учителям и друзьям

*Вы же верите в искупление грехов, не так ли?
Джон Кеннеди
1 мая 1962 г.*

Предисловие к русскому изданию

С момента первого издания в США летом 2008 г. книга «Зачем убили Джона Кеннеди: Правда, которую важно знать» стала не только классикой жанра. Джеймс Дуглас написал книгу об убийстве Кеннеди, но не просто рассказал, как было совершено преступление, а постарался найти ответ на вопрос «почему?». Автор словно последовал совету мистера Икс из моего фильма «Джон Кеннеди: выстрелы в Далласе»: «Все же главный вопрос заключается в том, почему, не правда ли? Как это было сделано – не более чем декорации».

С этой точки зрения данная книга просто уникальна. К 2008 г. в свет вышло более тысячи книг об убийстве Кеннеди, но ни одна из них не похожа по своей структуре на книгу Дугласа. Другими словами, это не обычная экспертно-криминалистическая детективная история: сколько выстрелов было сделано, какие раны получил Кеннеди, где был Освальд во время стрельбы и т. п. Этому посвящена лишь часть книги, а основное внимание уделено размышлениям о том, каким был президент Кеннеди и почему полицейское государство решило его устранить. Дуглас взял эту ноту с самого начала повествования, когда он рассказывает, как президенту Трумэну, возвращавшемуся с Потсдамской конференции на крейсере *Augusta*, сообщили об уничтожении Хиросимы, и тот пришел в неописуемый восторг от этой новости. Автор противопоставляет этому кропотливую тяжелую работу, которую Кеннеди и Никита Хрущев провели во время Карибского кризиса, стремясь любой ценой избежать применения ядерного оружия. Там же он отмечает, что спустя всего год Кеннеди был убит. Следует добавить также, что спустя год после гибели Кеннеди Никита Хрущев, который никогда не верил в причастность Освальда к убийству, лишился своих государственных постов.

Вот почему тема совместных действий Хрущева и Кеннеди является одной из ключевых в книге. Одна из множества «скрытых жемчужин» труда Дугласа – это использование автором почти забытой переписки между Кеннеди, Хрущевым и папой римским Иоанном XXIII, организованной с подачи Кеннеди редактором *Saturday Review* Норманом Казинсом. Эта частная переписка – первая попытка разрядки между сверхдержавами – стала началом пути, ведущего, по мнению Дугласа, к такой важной вехе в истории холодной войны, как выступление Кеннеди на церемонии вручения дипломов в Американском университете 10 июня 1963 г. Ни одному американскому президенту ни до, ни после не удавалось добиться подобного ярким призывом к общественности, опираясь на всеобщую заинтересованность народов мира в ослаблении международной напряженности. Но, как отмечает Дуглас, речь Кеннеди была лучше встречена в России, чем в Соединенных Штатах. Хрущев очень обрадовался тем настроениям, которые сквозили в этом выступлении. Похоже, это была одна из причин, по которым, как показывают недавно рассекреченные документы, он не верил в официальную версию смерти Кеннеди.

Но есть и другая причина для скептицизма Хрущева. И Джим Дуглас говорит о ней на заключительных страницах книги. Уильям Уолтон, друг Джона Кеннеди, собирался посетить Россию после возвращения президента США из Далласа в ноябре 1963 г. Несмотря на случившееся, эта поездка все же состоялась, но уже с посланием от Роберта Кеннеди и от Жаклин Кеннеди, вдовы убитого президента. Они оба чувствовали, что убийство было результатом заговора правых. Стоявший на страже интересов крупного бизнеса президент Джонсон был не в состоянии реализовать планы Кеннеди и Хрущева по разрядке международной напряженности. Это означало, что Роберт Кеннеди должен был оставить пост генерального прокурора, победить в гонке и стать на предстоящих выборах кандидатом в президенты и потом новым хозяином Белого дома. Тогда у планов Кеннеди и Хрущева было бы будущее.

Но не только рассказ о проектах Джона Кеннеди по решению «русского вопроса» в холодной войне делает эту книгу столь ценной. Джим Дуглас также анализирует действия президента Кеннеди во Вьетнаме, на Кубе, в Конго и Индонезии за время его трехлетнего правления.

Вполне может оказаться, что Дуглас представил наилучший в литературе общий анализ политики, проводимой Кеннеди в отношении Вьетнама и Кубы. Используя рассекреченные документы, он показывает, что на момент гибели Кеннеди занимался планированием вывода войск из Вьетнама. Автор книги также пишет о попытке президента в 1963 г. восстановить отношения с Фиделем Кастро и Кубой. В противоположность ЦРУ Кеннеди был готов поддержать лидеров, придерживавшихся нейтралитета по отношению к политическим и военным блокам, таких как Сукарно в Индонезии и Патрис Лумумба в Конго.

Политика, проводимая Кеннеди по отношению ко всем этим странам, не нашла поддержки у последующих президентов США – Линдона Джонсона и Ричарда Никсона. Как итог, сегодня внешняя политика Кеннеди практически не ощущается в Америке. Это большая потеря не только для самой Америки, но и для всего мира. И это безусловный триумф книги «Зачем убили Джона Кеннеди: Правда, которую важно знать». Она показывает нам, чего смог достичь Кеннеди за время своего неполного срока пребывания на посту президента. Книга рассказывает о политических возможностях, открывающихся перед государственным деятелем, у которого есть видение того, каким мир может быть. Дуглас говорит, что, без сомнения, мир сегодня выглядел бы иначе, если бы президент Кеннеди остался жив. И это заставляет нас помнить его достижения как лучший пример того, чего можно достичь, когда у лидеров есть определенная цель.

С этой точки зрения книга «Зачем убили Джона Кеннеди: Правда, которую важно знать» для нас сродни «Завещанию надежды» Мартина Лютера Кинга.

Оливер Стоун

От автора

У нас есть все шансы узнать правду об убийстве президента Джона Кеннеди. И эта правда может принести нам успокоение.

Это стало возможным благодаря материалам первых следователей, работавших по делу об убийстве Кеннеди, показаниям большого числа свидетелей, а также тому огромному объему рассекреченных документов, собранных и опубликованных национальными архивами США в соответствии с Законом о сборе документов об убийстве Дж. Кеннеди 1992 г. (JFK Assassination Records Collection Act of 1992). Речь идет не только о деталях заговора, в существовании которого уверено большинство американцев, или о том, что произошло в Далласе. Намного важнее новых подробностей преступления то, что мы можем узнать историческую подоплеку убийства – почему убили Кеннеди. Мы можем, наконец, узнать правду. Эта книга призвана объяснить, почему был застрелен 35-й американский президент.

Я постарался выстроить свой рассказ как хронологически, так и тематически, шаг за шагом прорываясь сквозь огромный массив разного рода свидетельств. Если коротко, то эта книга о том, как Джон Кеннеди в самый разгар холодной войны от имени американского народа вознамерился совершить величайшее преступление за всю историю – развязать ядерную войну.

Прежде чем это стало достоянием общественности, он решил заключить мир со своим (и нашим) врагом, который был в шаге от подобного же преступления.

А потом Кеннеди убили за этот мир с врагом. Мы сможем исследовать эту чудовищную реальность, выдвинуть определенные предположения, понять, насколько они реалистичны, и поразмышлять на эту тему. Это одна из целей настоящей книги. Другая заключается в том, чтобы описать переход Кеннеди от войны к миру.

Я надеюсь, что, узнав все то, с чем пришлось столкнуться президенту США, мы будем готовы это принять.

История Джона Кеннеди – наша история, которую все эти годы так старались скрыть от нас. Она, как и то противостояние, которое лежит в ее основе, не менее актуальна, чем была в 1963 г. Теологическая теория оправданного насилия до сих пор правит миром. На смену холодной войне пришла ее сестра-близнец – война с терроризмом. Нас втянули в другую апокалиптическую битву с врагом, представляющимся нам абсолютным злом. Место врага занял Терроризм, сменив Коммунизм. Нам говорят, что мы можем быть в безопасности лишь в условиях угрозы роста насилия. Вновь на борьбу со злом выходит некая сила. Вновь мы видим упреждающие удары, пытки, свергнутые правительства, убийства. И все это во имя достижения окончательной победы над врагом, представляемым миру как неисправимое зло. Однако средством искупительной борьбы, использованным Джоном Кеннеди в подобном противостоянии, стал диалог с врагом. Все меняется, когда в противнике видишь человека.

Диалог, как способ урегулирования конфликта, при котором взаимоуважение побеждает страх, и таким образом желание воевать, вновь перешел в разряд еретических идей в нашей современной доминирующей политической теологии. Как результат поиск истины, а не стремление к победе над противником, может привести, как это было в случае с Кеннеди, к изоляции и смерти как изменника идеи. И этот «мученический венец», как сказал Дитрих Бонхеффер¹, есть «плата за следование за Христом». И нет лучшего повода для этого, чем возлюбить

¹ Дитрих Бонхеффер (1906–1945) – немецкий лютеранский пастор, создатель Исповедальной церкви в Германии. Участник заговора против А. Гитлера, связанной между В. Канарисом и политическими кругами в Великобритании. Казнен. Его теологические работы оказали большое влияние на развитие европейского богословия после Второй мировой войны. – *Прим. науч. ред.*

врага своего без сантиментов, но с уважением. Уважительное отношение означает признание права врага на свою правду, независимо от того, усложнит это или нет нашу жизнь. Подобное признание сильно осложнило жизнь Кеннеди и в итоге привело к его гибели, а мы остались с чувством ответственности за признание более чем очевидной правды о смерти Кеннеди.

Как показывают последние опросы, трое из четверых американцев полагают, что Кеннеди был убит в результате заговора. Факты уже долгое время указывают на наше собственное правительстве. Но благодаря регулярным успешным отражениям атак Комиссией Уоррена, гипотезам об организованных преступных заговорах и обсуждениям непростого характера Кеннеди, мы в нашем обществе, где властвуют медиа, все это время плавали в темных водах неопределенности. Мы верим в то, что не сможем узнать... правду, основные моменты которой были озвучены еще первыми критиками работы Комиссии Уоррена. Не могла ли здесь крыться какая-то более глубокая причина нашего нежелания узнать правду?

А не кажется ли вам, что наша осторожность в вопросе выяснения правды об убийстве Кеннеди основана на страхе перед последствиями этой правды для него и для нас? Для Джона Кеннеди столь сильное стремление к выстраиванию диалога с нашими врагами оказалось фатальным. Если мы, как граждане страны, не хотим разобраться в этом важном историческом событии, то какой президент в XXI в. сможет найти в себе мужество, чтобы выступить против сильных мира сего и выбрать диалог вместо войны с сегодняшними врагами?

У читателя может возникнуть вопрос, почему так много внимания в книге об убийстве Джона Кеннеди уделяется монаху-созерцателю Томасу Мертону. Почему монах-траппист Томас Мертон стал моим Вергилием в этом паломничестве?

Несмотря на то, что данная книга представляет собой историко-биографическую реконструкцию, ее главная цель – погрузиться в историю намного глубже, чем мы обычно это делаем. Если, например, война – неизменная составляющая исторической реальности, то у человечества почти нет будущего. Эйнштейн сказал: «Высвобождение атомной энергии изменило все, кроме нашего сознания, и поэтому нас ждут невиданные катастрофы». Если мы не перестанем руководствоваться в наших мыслях (и действиях) стремлением решать вопросы военным путем, то человечество обречено. Томас Мертон снова и снова повторял это в самый разгар холодной войны, как и Мартин Лютер Кинг, и Джон Кеннеди. Вкладом созерцателя Томаса Мертона в непреложную истину нашего атомного века стала онтология отказа от насилия, гандистское видение реальности, способное изменить привычный для нас мир. Реальность шире, чем мы думаем. Созерцатель знает эту преобразующую истину из опыта.

Томас Мертон стал моим проводником в истории глубинного диалога, убийства и ожидаемого возрождения. И если Кеннеди – главный участник этой истории, то Мертон – ее первый очевидец и рефрен со своей уникальной концепцией, родившейся в монастыре на холмах Кентукки. С точки зрения истоков и развития это история-размышление. Благодаря вопросам Мертона и сделанным им выводам, опирающимся на независимое мнение ряда других наблюдателей, у нас есть возможность вернуться к истории Джона Кеннеди, холодной войны и трагедии в Далласе и совершить потрясающее путешествие в поисках истины. Реальность может быть шире, чем мы думаем.

Что представляет собой реальность, предполагающая возможность ненасильственного изменения? Я уверен, что история Джона Кеннеди и неизъяснимого – история изменения – предлагает оптимистичный ответ на данный вопрос.

Джим Дуглас
29 июля 2007 г.

Введение

Когда Джон Кеннеди был президентом, я учился в аспирантуре и пытался разобраться с теологическими аспектами того же вопроса, который он решал более конкретно в Белом доме: как нам выжить с таким смертельным оружием в условиях настроений холодной войны? В то время я рассуждал в статьях о путях предотвращения развязывания апокалиптической войны, не понимая того, что Кеннеди, рискуя очень многим, как президент ищет реальный выход для всех нас.

В тот важный исторический момент Томас Мертон был величайшим духовным автором своего поколения. Его автобиографию «Семярусная гора» (*The Seven Storey Mountain*) считали послевоенным аналогом «Исповеди Святого Августина» (*The Confessions of Saint Augustine*). Мертон написал также ряд классических работ о молитве. Однако, когда в начале 1960-х гг. он обратил свой взор к таким проблемам, как ядерная война и расизм, его читатели были шокированы, а в некоторых случаях восприняли это как призыв к действию.

Впервые я написал Томасу Мертону в 1961 г. в его монастырь, в Аббатство Богоматери Гефсиманской в Кентукки, после прочтения стихотворения, опубликованного в газете *Catholic Worker*. Стихотворение Мертона представляло собой настоящую антипоэзию. Речь в нем шла от лица коменданта нацистского лагеря смерти, а называлось оно «Речовка для марша вокруг печей». Мертоновская «Речовка» как бы между прочим рассказывала об ежедневных актах геноцида, совершаемых главным героем, и заканчивалась словами: «Не считайте себя лучше, ведь вы испепеляете друзей и врагов ракетами большой дальности и никогда не видите того, что творите»^[1].

Я прочел эти слова, когда на дворе был 1961 г. и над миром висела угроза ядерной катастрофы, а в душах людей царил пустота. Реальность, лежавшая в основе риторики холодной войны, не поддавалась описанию. «Речовка» Мертона взорвала тишину. Неизъяснимое было произнесено величайшим духовным автором нашего времени. Я тут же написал ему.

Его ответ не заставил себя долго ждать. В письмах мы обсуждали необходимость отказа от насилия и опасность ядерной угрозы. На следующий год Мертон прислал мне копию рукописи своей работы «Мир в постхристианскую эру» (*Peace in the Post-Christian Era*). Церковное начальство запретило издание книги о войне и мире, которая, по его мнению, «шло вразрез со взглядами, исповедуемыми монахами», и тогда Мертон напечатал текст и разослал его по почте своим друзьям. «Мир в постхристианскую эру» стал пророческой книгой, направленной против тогдашнего общественного мнения, подталкивавшего правительство Соединенных Штатов к ядерной войне. В книге неоднократно повторялись опасения Мертона, что Соединенные Штаты нанесут превентивный удар по Советскому Союзу. Он писал: «Нет никакого сомнения в том, что на момент написания этих строк самым серьезным и крайне важным шагом в политике Соединенных Штатов является это неопределенное, но растущее убеждение в необходимости превентивного удара»^[2].

Томас Мертон четко осознавал, что президент, который может решиться на такой роковой шаг, – его брат по католической вере, Джон Кеннеди. В число корреспондентов Мертона в то время входила невестка действующего президента Этель Кеннеди. Мертон поделился с Этель Кеннеди своей тревогой по поводу возможной войны и надеждой, что Джону Кеннеди хватит прозорливости и мужества, чтобы развернуть страну в мирном направлении. На протяжении нескольких месяцев, предшествовавших Карибскому кризису, Мертон страдал, молился, ощущал свое бессилие, но продолжал писать страстные антивоенные письма бесчисленным друзьям. За 13 страшных дней с 16 по 28 октября 1962 г. президент Джон Кеннеди, как и опасался Томас Мертон, действительно поставил мир на порог ядерной войны, конечно, не без помощи советского лидера Никиты Хрущева. Благодать Божия, однако, помогла Кен-

неди воспротивиться давлению, толкавшему его к началу военных действий. Он договорился со своим коммунистическим врагом о разрешении ракетного кризиса путем взаимных уступок, некоторые из которых были сделаны без ведома президентских советников по вопросам национальной безопасности. Кеннеди, таким образом, отвернулся от Большого Зла и начал свое 13-месячное духовное путешествие к миру во всем мире. И это путешествие, полное противоречий, закончилось покушением на него со стороны того, что Томас Мертон назвал позже и в более широком контексте, неизъяснимым.

В 1962–1964 гг. я жил в Риме, изучал богословие и лоббировал на Втором Ватиканском соборе принятие заявления, осуждающего тотальную войну и поддерживающего отказ от воинской службы по убеждениям. Я почти ничего не знал о трудном духовном пути к миру, который пришлось пройти Джону Кеннеди. Но я действительно чувствовал, что между ним и папой римским Иоанном XXIII существовало согласие, как подтвердил позже журналист Норман Казинс. Познакомившись с Казинсом в Риме, я узнал о его челночной дипломатии в качестве тайного посредника между президентом, папой римским и советским лидером. Я не мог и предположить в те годы, что некие силы объединились и готовят убийство Кеннеди. А Томас Мертон мог, как показывает сделанное им странное пророчество.

В письме, написанном своему другу У. Ферри в январе 1962 г., Мертон дает отрицательную, но вместе с тем глубокую оценку личности Кеннеди: «Я почти не верю, что Кеннеди способен чего-то достичь. Я считаю, что он не может в полной мере оценить масштаб стоящих задач и ему не хватает творческого воображения и более глубокой восприимчивости. Слишком велика его привязанность к таким понятиям, как *Время* и *Жизнь*, в чем, я полагаю, он ушел не дальше, скажем, Линкольна. То, что необходимо на самом деле, это не пронизательность или профессионализм, а глубина, гуманность и в определенной степени полное самоотречение и сострадание, не только к отдельным лицам, но и к людям в целом, что представляет собой более глубокий уровень самоотверженности. Возможно, Кеннеди однажды каким-то чудом достигнет этого. Но таких людей чаще всего убивают»^[3].

Однако в скептическом взгляде Мертона на Кеннеди был и луч надежды, и возможное пророчество. Пока Соединенные Штаты все ближе и ближе подходили к краю пропасти под названием ядерная война, монах, несомненно, молился о маловероятном, но так необходимом всем нам преображении президента в более глубокую и человеческую личность, которая, если это произойдет, отметит его печатью насильственной смерти. И мир считал его молитвы безнадежными. Но с точки зрения веры такую последовательность и следствие можно рассматривать как повод для торжества.

Стал ли Кеннеди чудесным образом более человеческим в последовавшие 22 месяца?

Обрек ли он себя тем самым на смерть?

Джон Кеннеди вовсе не был святым. Не был он и апостолом ненасилия. Однако, как надлежит всем нам, он возвращался. *Teshuvah* («возвращение»), древнееврейское слово, означающее раскаяние, может служить описанием непродолжительного и противоречивого пути Кеннеди к миру. Он отвернулся от того, что могло стать самым большим злом в истории человечества, и обратился в сторону нового, более мирного варианта его и нашей жизни. По этой причине он оказался в смертельном противостоянии с неизъяснимым.

Понятие «неизъяснимое» Томас Мертон ввел в середине 1960-х гг. после покушения на Джона Кеннеди, в разгар вьетнамской войны, нарастающей гонки ядерных вооружений и череды убийств Малкольма Икса, Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди. За каждым из этих потрясающих душу событий Мертон видел зло, глубину и коварство которого, казалось, невозможно описать словами.

«Одним из ужасных фактов нашего века, – писал Мертон в 1965 г., – является то, что этот [мир] действительно страдает на всех уровнях бытия от присутствия неизъяснимого». Война во Вьетнаме, активная подготовка к мировой войне, взаимосвязанные убийства Джона Кеннеди,

Малкольма Икса, Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди – все это было определенными знаками присутствия неизъяснимого. Оно и по сей день остается в глубинах нашего мира. Как предупреждал Мертон, «тот, кто сегодня жаждет согласия с миром, должен всеми силами избегать согласия с ним, как с центром неизъяснимого. Это то, что мало кто хочет замечать»^[4].

Когда мы делаемся более человечными в том смысле, как это понимал Мертон, сострадание заставляет нас выступать против неизъяснимого. Мертон указывал на своего рода системное зло, которое не поддается словесному описанию. Для Мертона неизъяснимое было, в основе своей, пустотой: «Это пустота, которая отрицает все, что произносится, еще до того, как слова будут сказаны; пустота, которая проникает в язык общественных и официальных деклараций в тот самый момент, когда они объявляются, придавая их звучанию мертвую пустоту бездны. Это пустота, в которой Эйхман² черпал истовую строгость своего смирения...»^[5]. В нашей истории холодной войны неизъяснимое представляло собой пустоту в секретной доктрине «правдоподобного отрицания», утвержденной 18 июня 1948 г. директивой Совета национальной безопасности NSC 10/2^[6]. ЦРУ под руководством Аллена Даллеса восприняло «правдоподобное отрицание» как зеленый свет для убийств руководителей государств, свержения правительств и лжи во избежание малейшей ответственности – все ради продвижения американских интересов и поддержания нашего ядерного доминирования над Советским Союзом и другими государствами^[7].

Я долго не мог разглядеть Неизъяснимое в убийстве Джона Кеннеди. На протяжении 30 лет со дня покушения я не видел связи между его убийством и теологией мира, которую я изучал. Хотя я с большим уважением относился к объяснению природы неизъяснимого, данному Мертоном, я не исследовал его последствий для полицейского государства, чьи принципы ядерной политики я отвергал. Я ничего не знал о «правдоподобном отрицании», неизъяснимом отсутствии ответственности в нашем полицейском государстве. Отсутствие ответственности у ЦРУ и прочих наших спецслужб, считавшееся необходимым условием для совершения тайных преступлений в целях защиты нашего ядерного лидерства, сделало возможным и убийство Джона Кеннеди, и его засекречивание. В то время как я писал и участвовал в мероприятиях, борясь с распространением ядерного оружия, которое могло уничтожить миллионы, от меня ускользал тот факт, что его существование, как основы безопасности нашего государства, является и причиной убийства президента, решившего встать на путь разоружения.

Проглядев глубокие изменения в жизни Кеннеди и силы, стоящие за его смертью, я тем самым содействовал созданию в стране атмосферы отрицания. Наше коллективное отрицание очевидного, а именно подготовки Освальда и его демонстративного устранения руками Руби, сделало возможным создание прикрытия для убийства в Далласе. Хорошее прикрытие стало необходимым условием и для последующих убийств Малкольма Икса, Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди теми же самыми силами, действовавшими в нашем правительстве – и в нас самих. Надежда на перемены в мире была взята на мушку и убита четырежды. Прикрытие всех четырех убийств, каждое из которых вело к следующему, было основано, в первую очередь, на отрицании и не правительством, а нами самими. Неизъяснимое рядом.

Убийство Мартина Лютера Кинга заставило меня очнуться. Когда убили Кинга, я уже был 30-летним профессором теологии в Гавайском университете. Я вел семинар под названием «Теология мира», в котором участвовали с десяток студентов. В тот день, когда убили доктора Кинга, несколько студентов опоздали на первое семинарское занятие. Войдя, они объявили, что в ответ на убийство Кинга, отдавшего свою жизнь за мир и справедливость, они

² Эйхман Адольф (1906–1962) – нацистский преступник. В качестве офицера СС отвечал за «окончательное решение еврейского вопроса». После окончания Второй мировой войны бежал в Аргентину, где жил под именем Рикардо Клементя. ЦРУ знало о местонахождении Эйхмана, однако не разглашало эти данные из опасений дискредитации ключевых фигур в политической элите Германии. В мае 1960 г. похищен израильской спецслужбой Моссад в Буэнос-Айресе и вывезен в Израиль. В декабре 1961 г. приговорен к смертной казни. Повешен в ночь с 31 мая на 1 июня 1962 г. – *Прим. науч. ред.*

провели в кампусе импровизированный митинг. При этом они сожгли свои повестки в армию, за что им могло грозить несколько лет тюрьмы. Они также заявили, что начинают формировать Гавайское сопротивление и спросили, не хочу ли я присоединиться к их группе. Это было дружественное приглашение, но со скрытым смыслом: «Займись делом или не говори ни слова, мистер профессор – сторонник ненасилия». Месяц спустя мы устроили сидячий пикет перед колонной грузовиков, везущих членов гавайской нацгвардии в Военный учебный центр в джунглях Оаху перед отправкой в джунгли Вьетнама. Я провел две недели в тюрьме, что положило конец моей академической карьере. Члены Гавайского сопротивления отсидели от шести месяцев до двух лет в тюрьме за уклонение от мобилизации, а часть из них оказалась в изгнании в Швеции или Канаде.

Через 31 год я узнал намного больше об убийстве Кинга. Я присутствовал на единственном судебном заседании, когда-либо проводившемся по этому делу. Заседание проходило в Мемфисе, в нескольких кварталах от мотеля Lorraine, где был убит Кинг. За шесть недель в рамках судебного процесса по факту насильственной смерти, инициированного семьей Кинга, было опрошено 70 свидетелей. Из их рассказов складывалось описание тщательно продуманного правительственного заговора, в котором участвовали ФБР, ЦРУ, мемфисская полиция, представители мафии, группа снайперов армейского спецназа. Двенадцать присяжных заседателей, шесть черных и шесть белых, вернулись после двух с половиной часов обсуждения с вердиктом, что Кинг был убит в результате заговора, в котором участвовали в том числе и правительственные спецслужбы^[8].

В ходе изучения обстоятельств мученической смерти Мартина Лютера Кинга мои глаза открылись, и я увидел параллели в убийствах Джона Кеннеди, Малкольма Икса и Роберта Кеннеди. Я посетил Даллас, Чикаго, Нью-Йорк и ряд других городов и поговорил со свидетелями. Я изучил правительственные документы по каждому из этих дел. В конечном счете стало ясно, что все четыре истории – это четыре версии одной и той же темы. Все четверо – Джон Кеннеди, Малкольм, Мартин и Роберт Кеннеди – были сторонниками перемен, и все четверо были убиты секретными спецслужбами, использующими посредников и подставных лиц в условиях общего «правдоподобного отрицания». В основе этих убийств лежало зловещее отсутствие какой-либо ответственности, чему Мергтон дал определение неизъяснимого.

Неизъяснимое рядом. Оно не где-то там, похожее на правительство, ставшее нам чужим. Бессодержательность пустоты, полное отсутствие ответственности и сопереживания находится в нас самих. Наше гражданское отрицание служит основанием для правительственной доктрины «правдоподобного отрицания». Убийство Джона Кеннеди уходит корнями в отрицание преступлений нашего государства во Второй мировой войне, что положило начало холодной войне и гонке ядерных вооружений. Задолго до убийства Джона Кеннеди собственным полицейским государством мы, американские граждане, поддерживали наше правительство, когда оно уничтожало целые города (Гамбург, Дрезден, Токио, Хиросиму, Нагасаки), когда оно во имя нашей безопасности в период холодной войны демонстрировало оружие, способное уничтожить мир, а также когда оно инициировало ликвидацию руководителей иностранных государств, используя все то же «правдоподобное отрицание», что было очевидно для любого критически мыслящего наблюдателя. Отрицая ответственность за эскалацию преступлений государства, совершенных ради нашей безопасности, мы, не противостоявшие неизъяснимому, сделали возможным убийство Джона Кеннеди и создание соответствующего прикрытия. Неизъяснимое рядом.

Именно человеческое сострадание привело Томаса Мертона к столкновению с неизъяснимым. Я люблю строки Мертона о сострадании в «Знаке Ионы» (The Sign of Jonas): «Именно в пустыне сострадания измученная жаждой земля превращается в источники воды, а бедные имеют все»^[9].

Сострадание – наш источник ненасильственного преобразования общества. Глубокое человеческое сострадание было неистощимым источником для Мертона в его схватке с неизъяснимым в холокосте, войне во Вьетнаме и ядерном уничтожении. Понимание и поддержка Мертона помогли многим из нас выстоять, особенно в борьбе против войны во Вьетнаме. По мере того как усиливалось неприятие ужасов той войны у самого Мертона, крепло и его решение отправиться в паломничество на Восток для более серьезной борьбы. Он погиб от удара током при включении неисправного фена в конференц-центре в Бангкоке 10 декабря 1968 г. Так завершился его путь к более глубинному, более сострадательному гуманизму.

Иисус назвался «человеком», буквально «сын человеческий» (по-гречески *ho huios tou anthrōpou*)^[10]. Самоидентификация Иисуса означала новую, сострадательную человечность, готовую любить своих врагов и идти на крест. Иисус снова и снова говорил своим ученикам о «человеке», имея в виду личный и коллективный гуманизм, который он отождествлял с собой. Невзирая на протесты его последователей, он говорил им неоднократно, что человек должен страдать. Человеку положено быть отвергнутым правителями, быть убитым и вновь воскреснуть^[11]. В этом и заключается торжество гуманизма. Как говорится в Евангелие от Иоанна: «пришел час прославиться Сыну Человеческому. Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12:24).

Что главное в Иисусе? Что главное в человеке, таящееся в глубинах его существа? Это способность отдать жизнь друг за друга. Являясь свидетелями жертвенности, которой Он учил, мы постигаем, что такое человечность во всей своей славе, на земле как на небе. Мученик, таким образом, это живой свидетель нашей новой гуманности.

Был ли Джон Кеннеди мучеником, тем, кто, несмотря на все противоречия, принес себя в жертву ради нового, более мирного гуманизма?

Такой вопрос не приходил мне в голову ни в момент гибели Кеннеди, ни три десятка лет спустя. Только сейчас, когда я знаю больше о духовном пути Джона Кеннеди, вопрос звучит так: действительно ли президент Соединенных Штатов, который мог начать тотальную ядерную войну, отказался от власти, чтобы отдать свою жизнь за мир?

Изучив историю Джона Кеннеди, сегодня я знаю намного больше, чем при его жизни, о той борьбе, которую он вел в поисках более перспективной политики, нежели холодная война, которая могла превратить в пепел Соединенные Штаты, Советский Союз и большую часть земного шара. Теперь я знаю, почему он стал столь опасен для тех, кто лоббировал и получал выгоду от проведения такой политики.

Но насколько сильно Кеннеди был готов рисковать?

Кеннеди не был наивным. Он понимал, какие силы ему противостоят. Можно ли вообще представить, что человек, облеченный такой властью, отказался от всего, чтобы положить конец холодной войне, зная, что в результате он, по выражению Мертона, будет отмечен печатью смерти?

Пусть читатель сам сделает вывод.

Я же расскажу историю настолько правдиво, насколько смогу. Я вижу в ней трансформирующее начало, с помощью которого наша коллективная история в XXI в. может сойти со спирали насилия и встать на путь мира. Моя методология заимствована у Ганди. Это эксперименты с истиной. Его истина – путь в царство тьмы. Если зайти туда как можно глубже, невзирая на возможные последствия, открывшаяся истина освободит нас от зависимости от насилия и выведет к свету мира.

Был ли Джон Кеннеди мучеником или не был, мы вряд ли узнали его историю, если бы не свидетели, рисковавшие ради правды. Даже если они и не заплатились жизнью, а о некоторых этого сказать нельзя, все они были мучениками в истинном смысле этого слова, свидетелями истины.

Главное убеждение, на котором построена эта книга, в том, что истина – самая могущественная сила на земле. Ганди назвал это «сатьяграха» (*satyagraha*), т. е. «сила истины» или «сила души». Своими экспериментами с истиной Ганди перевернул теологию с ног на голову, говоря, что «истина – Бог». Все мы видим лишь часть истины, но можем исследовать ее более глубоко. Другая грань – это сострадание, наш ответ на страдание.

История Джона Кеннеди и неизъяснимого сложилась из страдания и сострадания многих свидетелей, которые видели истину и свидетельствовали о ней. Вытаскивая на свет эту истину, мы освобождаемся от неизъяснимого.

Хронология 1961–1963 гг.

17 января 1961 г.: президент Дуайт Эйзенхауэр в своем прощальном послании американскому народу предупредил о всевозрастающем влиянии «военно-промышленного комплекса», представляющего собой «объединение многочисленных военных структур и мощной оборонной промышленности, [чего] в истории США еще не было... Мы не должны допустить, чтобы такой альянс стал угрозой для наших свобод и приверженности демократическим процессам».

Погиб глава Конго Патрис Лумумба. Убийство африканского лидера в сепаратистской провинции Конго Катанга было организовано бельгийским правительством при участии ЦРУ. Все произошло за три дня до инаугурации Джона Кеннеди, который, как известно, поддерживал стремление Африки к национальной независимости.

19 января 1961 г.: в последний день своего пребывания в Белом доме Эйзенхауэр провел с вновь избранным президентом Кеннеди брифинг по передаче власти. Когда Кеннеди отметил возможную поддержку Соединенными Штатами коалиционного правительства в Лаосе, в котором участвовали и коммунисты, Эйзенхауэр заявил, что было бы намного лучше ввести в страну американские войска.

20 января 1961 г.: президент Кеннеди выступает с речью на своей инаугурации, в которой перемежаются заявления в духе холодной войны и выражения надежды, «что стороны вновь начинают поиски путей сохранения мира, прежде чем темные силы разрушения, высвобожденные научным прогрессом, намеренно или случайно приведут человечество к самоуничтожению».

23 марта 1961 г.: несмотря на несогласие Объединенного комитета начальников штабов и ЦРУ президент Кеннеди изменил проводимую политику в отношении Лаоса, прекратив американскую поддержку антикоммунистического правительства генерала Фуми Носавана, пришедшего к власти при поддержке ЦРУ и Пентагона при Эйзенхауэре. На пресс-конференции Кеннеди заявил о том, что Соединенные Штаты «решительно и безоговорочно» поддерживают «создание нейтрального и независимого государства Лаос» и готовы участвовать в работе любых международных конференций по вопросам Лаоса.

15–19 апреля 1961 г.: бригада, состоявшая из кубинских эмигрантов, прошедших подготовку в тренировочных лагерях ЦРУ, высадилась на побережье Кубы в районе залива Свиней. После окружения ее частями кубинской армии во главе с премьер-министром Фиделем Кастро президент Кеннеди отказался от идеи вторжения на остров американских вооруженных сил. Бригада кубинских эмигрантов сдалась, и больше тысячи ее членов оказались в плену. Президент Кеннеди осознает, что попал в ловушку, организованную ЦРУ с целью вынудить его пойти на эскалацию конфликта, дав согласие на полномасштабное вторжение американских войск на Кубу. Кеннеди заявляет, что хотел бы «разорвать ЦРУ на тысячу кусочков и развеять их по ветру».

3–4 июня 1961 г.: на саммите в Вене Джон Кеннеди и Никита Хрущев договариваются о совместной поддержке независимого Лаоса. Это был единственный вопрос, по которому они смогли договориться. Внешнее безразличие Хрущева к нарастанию угрозы ядерной войны шокирует Кеннеди.

20 июля 1961 г.: на заседании Совета национальной безопасности Объединенный комитет начальников штабов и глава ЦРУ Аллен Даллес представляют план превентивного ядерного удара по Советскому Союзу «в конце 1963 г. после усиленного нагнетания напряженности в отношениях». Президент Кеннеди покидает заседание со словами, адресованными госсекретарю Дину Раску: «И мы считаем себя людьми?!»

30 августа 1961 г.: Советский Союз возобновляет испытания термоядерного оружия в атмосфере, взорвав в Сибири водородную бомбу мощностью 150 килотонн.

5 сентября 1961 г.: после испытания Советским Союзом еще двух водородных бомб Джон Кеннеди объявляет, что отдал приказ о возобновлении ядерных испытаний в США.

25 сентября 1961 г.: президент Кеннеди выступает в ООН с речью о проблеме разоружения. Он говорит: «Мы должны уничтожить средства ведения войны, пока они не уничтожили нас... Мы хотели бы соревноваться с Советским Союзом не в темпах наращивания вооружения, а в мирных инициативах, чтобы вместе шаг за шагом двигаться к одной цели – всеобщему и полному разоружению».

29 сентября 1961 г.: Никита Хрущев пишет первое конфиденциальное письмо Джону Кеннеди. Его тайно передает Кеннеди советский разведчик через пресс-секретаря Пьера Сэлинджера. В своем письме Хрущев сравнивает их общее беспокойство о мире в ядерный век «с Ноевым ковчегом, где нашли приют как “чистые”, так и “нечистые” животные. Но, независимо от того, кто причисляет себя к “чистым”, а кто к “нечистым”, они все в равной степени заинтересованы в одном – чтобы Ковчег успешно продолжал свой путь».

16 октября 1961 г.: Кеннеди тайно отвечает Хрущеву на его письмо. Он пишет: «Мне очень понравилась приведенная вами аналогия с Ноевым ковчегом, что и “чистые”, и “нечистые” заинтересованы в сохранении его на плаву. Какими бы разными мы ни были, наше тесное сотрудничество во имя сохранения мира не менее, если не более важно, чем это требовалось для достижения победы в последней мировой войне».

27–28 октября 1961 г.: после нарастания напряженности в американо-советских отношениях вокруг Берлина на протяжении всего лета и кульминации в августе, когда Хрущев отдал распоряжение о строительстве стены между Восточным и Западным Берлином, генерал Люсиус Клей, личный представитель президента Кеннеди в Западном Берлине, провоцирует 16-часовое танковое противостояние между США и Советским Союзом у Берлинской стены. Кеннеди посылает по неофициальным каналам срочное сообщение Хрущеву, после чего тот начинает отвод танков, создав прообраз разрешения Карибского кризиса год спустя.

22 ноября 1961 г.: проигнорировав рекомендации Объединенного комитета начальников штабов о развертывании американских войск для подавления партизанской войны в Южном Вьетнаме, Джон Кеннеди все же отдает приказ на отправку военных советников и подразделений поддержки, что стало началом постоянного наращивания военного присутствия во Вьетнаме на протяжении всего периода президентства.

30 ноября 1961 г.: президент Кеннеди одобряет проведение операции «Мангуст», секретной программы «помощи Кубе в свержении коммунистического режима». Он назначает начальником оперативного управления специалиста по борьбе с повстанческими движениями генерала Эдварда Лансдейла.

13 апреля 1962 г.: Джон Кеннеди, ощущая беспорную поддержку общественности, вынуждает лидеров сталелитейной промышленности отменить свои планы по повышению цен на продукцию, которые могли негативно повлиять на объявленную президентом борьбу с инфляцией. Заявления Кеннеди, идущие вразрез с интересами бизнеса, а также начавшееся аннулирование военных контрактов с металлургическими компаниями сделали его непопулярным среди серых кардиналов военно-промышленного комплекса.

25 апреля 1962 г.: с разрешения президента Кеннеди Соединенные Штаты проводят первую серию из 24 ядерных испытаний в южной части тихоокеанского региона.

8 мая 1962 г.: следуя инструкциям Кеннеди, министр обороны Роберт Макнамара поручает генералу Полу Харкинсу на Сайгонской конференции «разработать план переноса всей ответственности [за войну во Вьетнаме] на Южный Вьетнам, а также сокращения численности нашего военного контингента и представить этот план на следующей конференции».

13 июня 1962 г.: в Соединенные Штаты возвращается Ли Харви Освальд со своей русской женой Мариной и маленькой дочерью Джун. Освальд возвращается в Соединенные Штаты на предоставленные Госдепом деньги после своего широко освещавшегося в СМИ бегства в Советский Союз в октябре 1959 г. и двух с половиной лет проживания в Минске в качестве экспатрианта. Как только Освальды поселяются в Форт-Уорте (штат Техас), Ли Освальда начинает «пасти» агент разведки Джордж де Мореншильдт, по наводке далласского агента ЦРУ Уолтона Мура.

23 июля 1962 г.: Соединенные Штаты в числе 13 других стран подписывают в Женеве «Декларацию о нейтралитете Лаоса». Противники Кеннеди в ЦРУ и Пентагоне расценивают его вклад в лаосское соглашение как капитуляцию перед коммунистами. Они саботируют выполнение данной декларации, всячески поддерживая нарушения перемирия генералом Фуми. На другой конференции, посвященной войне во Вьетнаме, в Кэмп-Смите (Гавайи) министр обороны США Макнамара узнает, что его приказ от 8 мая, отданный генералу Харкинсу, был проигнорирован. Он повторяет распоряжение президента Кеннеди о реализации программы постепенного сокращения участия США в военном конфликте во Вьетнаме.

16 октября 1962 г.: президенту Кеннеди сообщают, что на фотографиях Кубы с самолета-разведчика U-2 видны советские баллистические ракеты средней дальности. Кеннеди созывает на сверхсекретное совещание своих ключевых советников, входящих в состав Исполнительного комитета (ExComm) Совета национальной безопасности. На своем первом заседании они обсуждают способы уничтожения советских ракет путем превентивных ударов по Кубе, побуждая Роберта Кеннеди написать записку президенту со словами: «Я теперь знаю, что чувствовал Тодзио, когда планировал атаку на Перл-Харбор».

19 октября 1962 г.: когда президент Кеннеди решил просто блокировать дальнейшие поставки советских ракет вместо вторжения и бомбардировок Кубы, он встречается с Объединенным комитетом начальников штабов. Его члены настаивают на немедленном ударе по пусковым установкам. Генерал Кертис Лемей заявляет: «Подобная идея [блокада и политические выступления] почти настолько же плоха, как попытки умиротворения [Гитлера] в Мюнхене».

22 октября 1962 г.: президент Кеннеди обращается по телевидению к нации. Он заявляет об обнаружении США советских ракет на Кубе. Он вводит «жесткий карантин для поставок всей наступательной военной техники на Кубу» и призывает «к немедленному демонтажу и выводу всего наступательного оружия с Кубы».

27 октября 1962 г.: советская ракета класса «земля-воздух» сбивает над Кубой разведывательный самолет U-2, в результате чего погибает пилот ВВС США. Объединенный комитет начальников штабов и Исполнительный комитет (Совета национальной безопасности) призывают к незамедлительному нанесению ответного удара. Кеннеди направляет письмо Хрущеву, в котором соглашается с его предложением вывести советские ракеты с Кубы в обмен на обещание Кеннеди не нападать на остров, но вместе с тем игнорируя последнее требование советского лидера о выводе аналогичных американских ракет из Турции, размещенных близ границ с СССР. Джон Кеннеди делегирует Роберта Кеннеди на встречу с советским послом Анатолием Добрыниным, где тот обещает, что в рамках соглашения США выведут и ракеты из Турции. Он призывает Хрущева не затягивать с ответом, говоря о том, что многие генералы настаивают на войне и президент может потерять контроль над ситуацией. После получения такого сообщения от Добрынина Хрущев публично объявляет о выводе советских ракет с Кубы в обмен на обещание Кеннеди о ненападении на остров. Объединенный комитет начальников штабов возмущен отказом Кеннеди атаковать Кубу и его уступками Хрущеву.

18 декабря 1962 г.: после посещения Вьетнама по просьбе президента Кеннеди сенатор Майк Мэнсфилд готовит доклад, в котором предостерегает об опасности оказаться «в малопривлекательном положении во Вьетнаме, который не так давно уже оккупировали французы».

19 марта 1963 г.: на пресс-конференции в Вашингтоне спонсируемая ЦРУ боевая организация кубинских политэмигрантов «Альфа-66» заявляет о совершении нападений на советские «базу» и корабль в кубинской акватории, в результате которых погибли или были ранены несколько человек. Нападение в кубинских водах, по словам тайного советника «Альфа-66» от ЦРУ Дэвида Атли Филлипса, преследовало цель «поставить Кеннеди в неловкое положение и вынудить его выступить против Кастро».

31 марта 1963 г.: президент Кеннеди приказывает принять меры против боевых кораблей кубинских эмигрантов, управляемых ЦРУ из Майами. Министерство юстиции под руководством Роберта Кеннеди ограничивает передвижение противников режима Кастро у побережья Майами, а береговая охрана захватывает их суда и берет под арест команды.

11 апреля 1963 г.: папа римский Иоанн XXIII выпускает свою энциклику «Мир на Земле» (Pacem in Terris). Норман Казинс представляет сигнальный экземпляр на русском языке Никите Хрущеву. Основные идеи папской энциклики о взаимном доверии и сотрудничестве с идеологическим соперником создают фундамент для диалога Кеннеди и Хрущева, а также ложатся в основу выступления Кеннеди в Американском университете в июне.

Президент Кеннеди сообщает в своем тайном послании Никите Хрущеву, что ему «известно о напряженности, возникшей в результате недавних нападений на ваши корабли в водах Кубы» и что «принимаются меры для прекращения подобных нападений, нарушающих наши законы».

Также в начале апреля американский посредник Джеймс Donovan возвращается на Кубу для обсуждения с премьер-министром Фиделем Кастро дальнейшего освобождения заключенных, захваченных в заливе Свиней. ЦРУ пытается передать Кастро через ничего не подозревающего Donovan зараженный гидрокостюм в качестве подарка от специального посланника Кеннеди. Это была неудавшаяся попытка одним ударом убить Кастро, сделать козлом отпущения Кеннеди и свести на нет зарождавшийся кубинско-американский диалог.

18 апреля 1963 г.: доктор Хосе Миро Кардона, глава Кубинского революционного совета в Майами, финансируемого ЦРУ, подает в отставку в знак протеста против перемен в проводимой Кеннеди политике в отношении Кубы. Исходя из действий американского президента, Кардона делает вывод о том, что «правительство [США] на пути сворачивания борьбы за Кубу».

6 мая 1963 г.: на другой конференции по вьетнамскому вопросу под председательством министра обороны Макнамары в Кэмп-Смите (Гавайи) Тихоокеанское командование вооруженных сил США наконец представляет президенту Кеннеди долгожданный план вывода войск из Вьетнама. Однако Макнамара вынужден отклонить слишком затянутый по времени график вывода военных. Он приказывает составить четкий план вывода американского контингента, насчитывающего тысячу человек, из Южного Вьетнама до конца 1963 г. Президент Кеннеди издает Меморандум по вопросам действий в области национальной безопасности за номером 239, предписывая своим главным советникам разработать соглашение о запрете ядерных испытаний и план всеобщего и полного разоружения.

8 мая 1963 г.: во время протестов буддистов, выступающих против религиозных гонений со стороны правительства Нго Динь Зьема в Хюэ (Южный Вьетнам), происходят два взрыва, приписываемых спецслужбам, в результате которых гибнет восемь человек и получают ранения еще 15. Правительство обвиняет в организации взрывов вьетконговцев. Более позднее независимое расследование показывает, что организатором взрыва был офицер американской армии, получивший бомбы от ЦРУ. Буддистский кризис, вызванный взрывами в Хюэ, грозит свержением правительства Нго Динь Зьема и тем самым ставит под угрозу возможное соглашение между Зьемом и Кеннеди по выводу американских войск из Вьетнама.

10 июня 1963 г.: президент Кеннеди произносит речь по случаю вручения дипломов в Американском университете в Вашингтоне, предлагая, по сути, положить конец холодной

войне. Отказываясь от стремления к «гегемонии США в мире, навязываемой силой американского оружия», Кеннеди просит американцев пересмотреть свое отношение к войне, особенно к народу Советского Союза, понесшему несравнимые потери во Второй мировой войне. Ядерная война теперь будет гораздо страшнее: «Все, что мы построили, все, над чем мы работали, может быть разрушено в первые 24 часа». Он объявляет об одностороннем временном прекращении ядерных испытаний в атмосфере ради достижения «наших главных долгосрочных интересов», «общего и полного разоружения».

25 июня 1963 г.: Ли Харви Освальд получает в Новом Орлеане американский паспорт через 24 часа после подачи заявления и спустя год после своего возвращения из Советского Союза. В заявлении на паспорт он определяет местом своего пребывания Советский Союз.

25 июля 1963 г.: в Москве от имени президента Кеннеди американский спецпредставитель Аверелл Гарриман договаривается с советскими переговорщиками о заключении Договора о запрещении испытаний ядерного оружия, который объявляет вне закона ядерные испытания «в атмосфере и за ее пределами, включая космос, и под водой, включая территориальные и экстерриториальные воды».

26 июля 1963 г.: президент Кеннеди выступает с телевизионным обращением к нации с просьбой поддержать Договор о запрещении ядерных испытаний, приводя слова Никиты Хрущева о ядерной войне, которой они оба надеются избежать: «Оставшиеся в живых будут завидовать мертвым».

9–10 августа 1963 г.: Ли Харви Освальд арестован в Новом Орлеане за распространение листовок Комитета за справедливость для Кубы. Он и трое кубинских беженцев из антикастровской оппозиции, напавших на него и разорвавших листовки, обвиняются в нарушении общественного порядка. После того, как Освальд проводит ночь в тюрьме, он конфиденциально встречается с новоорлеанским агентом ФБР Джоном Куигли. Уличное представление Освальда дискредитирует Комитет за справедливость для Кубы и подготавливает почву для формирования образа прокастровского убийцы президента Кеннеди.

24 августа 1963 г.: советники президента Роджер Хилсмен, Аверелл Гарриман и Майкл Форрестол составляют телеграмму недавно назначенному послу в Сайгоне Генри Кэботу Лоджу, допускающую при определенных условиях американскую поддержку переворота во главе с оппозиционными южновьетнамскими генералами. Президент Кеннеди, отдыхающий в Хайянис-Порте, утверждает телеграмму. Уже вскоре он будет сожалеть об этом поспешном стратегическом решении, зафиксировавшем факт поддержки правительством США иностранного государственного переворота.

12 сентября 1963 г.: на заседании Совета национальной безопасности представители Объединенного комитета начальников штабов вновь представляют отчет с анализом возможного нанесения ядерного удара по Советскому Союзу в период с 1964 по 1968 г. Президент Кеннеди сворачивает обсуждение своим заключением: «Превентивный удар для нас невозможен». Он оставляет без комментария содержащийся в отчете намек на то, что остающиеся несколько месяцев до конца 1963 г. по-прежнему являются самым выгодным моментом для нанесения превентивного удара Соединенными Штатами.

20 сентября 1963 г.: в своем обращении к Организации Объединенных Наций президент Кеннеди выражает надежду на то, что Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой может служить механизмом для перехода к справедливому и прочному миру. На встрече с представителем США в ООН Эдлаем Стивенсоном он дает добро на контакт американского дипломата Уильяма Эттвуда с представителем Кубы в ООН доктором Карлосом Лечугой для вступления в секретные переговоры с премьер-министром Кастро.

В Эль-Пасо (Техас, США) агент контрразведки Ричард Кейс Нагелл после встречи с работниками плана убийства Кеннеди идет в банк и дважды стреляет из пистолета в стену чуть

ниже потолка. Он дожидается на улице ареста и заявляет ФБР, что «лучше попасть под арест, чем совершить убийство и измену».

23 сентября 1963 г.: на вечеринке, устроенной в качестве прикрытия телеведущей Лизой Ховард, Уильям Эттвуд встречается с Карлосом Лечугой. Эттвуд сообщает Лечуге, что собирается в ближайшее время отправиться в Белый дом, чтобы просить разрешение президента на тайную встречу с премьер-министром Кастро. Цель встречи – обсуждение возможности восстановления отношений между Гаваной и Вашингтоном. Лечуга выражает большой интерес.

24 сентября 1963 г.: в Вашингтоне Уильям Эттвуд встречается с Робертом Кеннеди, который приказывает Эттвуду продолжать переговоры с Лечугой об организации секретной встречи с Кастро, но найти для встречи менее опасное место, чем Куба.

Сенат одобряет принятие Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой 80 голосами против 19.

27 сентября 1963 г.: Эттвуд встречается с Лечугой в Салоне для делегатов в ООН и сообщает ему, что уполномочен встретиться с Кастро, но ищет более спокойное место, чем Куба. Лечуга отвечает, что сообщит об этом в Гавану.

В Мехико человек, называющий себя Ли Харви Освальдом, посещает кубинское и советское консульства, предъявляет документы о принадлежности к левому движению и подает заявление на срочное оформление виз в обе коммунистические страны. Когда заподозрившие неладное сотрудники отказывают ему и выпроваживают из здания, он возмущается и привлекает к себе внимание.

28 сентября 1963 г.: человек, представляющийся Освальдом, возвращается в советское посольство в Мехико и снова просит оформить ему срочную визу в Советский Союз. Когда советские чиновники предлагают ему формы для заполнения, он ведет себя еще более сумасбродно, чем в предыдущий день. Он кладет на стол револьвер, говоря, что это необходимо для самозащиты. Его снова выставляют за дверь.

Это посещение советского посольства становится повторной уликой в инкриминированных позже телефонных звонках «Освальда», перехваченных и записанных ЦРУ, в которых говорящий представляется советским специалистом по организации политических убийств, работающим в посольстве. Когда указывают на то, что телефонный абонент говорит на ломаном русском, тогда как Освальд изъясняется свободно, ЦРУ заявляет, что аудиозапись больше недоступна для голосовой экспертизы, так как она по ошибке стерта.

30 сентября 1963 г.: президент Кеннеди вновь использует секретный канал для диалога с Никитой Хрущевым через пресс-секретаря Пьера Сэлинджера и вашингтонского резидента советских спецслужб. Таким образом, он обходит Государственный департамент, которому больше не доверяет, в своем общении с советским лидером.

11 октября 1963 г.: президент Кеннеди подписывает Меморандум по вопросам действий в области национальной безопасности 263, официально подтвердив вывод войск из Вьетнама – «1000 американских военнослужащих к концу 1963 г.» и «к концу 1965 г. ... большую часть американских военнослужащих».

16 октября 1963 г.: благодаря положительной рекомендации Рут Пэйн Ли Харви Освальд устраивается на работу в Техасское школьное книгохранилище в Далласе.

24 октября 1963 г.: французский журналист Жан Даниэль берет интервью у президента Кеннеди накануне своей поездки на Кубу для встречи с Фиделем Кастро. Кеннеди положительно отзываясь о кубинской революции во главе с Кастро, но спрашивает Даниэля, осознает ли Кастро, что «из-за его ошибки мир был на грани ядерной войны в октябре 1962 г.». Кеннеди просит Даниэля рассказать ему, что на это ответит Кастро, после возвращения с Кубы в конце ноября.

31 октября 1963 г.: Рене Вальехо, помощник Фиделя Кастро, беседует по телефону с Лизой Ховард. Через Вальехо Кастро предлагает ускорить процесс встречи с Уильямом Эттвудом, отправив самолет, чтобы забрать его в Мексике. Предполагается, что Эттвуда привезут в частный аэропорт на Кубе, где он сможет в конфиденциальной обстановке побеседовать с Кастро и сразу же отправиться обратно. Ховард передает все это Эттвуду, который в свою очередь информирует Белый дом.

1 ноября 1963 г.: южновьетнамские повстанцы, финансируемые ЦРУ, окружают и атакуют президентский дворец Нго Динь Зьема в Сайгоне. Зьем и его брат Нью под покровом ночи бегут из дворца. Они скрываются в пригороде Сайгона Шолоне.

В Чикаго спецслужбы арестовывают двух членов из четверки снайперов, заподозренных в подготовке убийства президента Кеннеди во время его визита в Чикаго на следующий день. Два других снайпера успевают скрыться. Чикагская полиция следит за психически нездоровым ветераном морской пехоты Томасом Артуром Валли, который работает в здании, находящемся по маршруту движения кортежа Кеннеди.

2 ноября 1963 г.: Зьем звонит послу Лоджу и генералам – руководителям переворота из своего убежища в Шолоне. Он сдается, прося для Нью и себя только безопасный проезд в аэропорт и возможность покинуть Вьетнам. Генерал-мятежник Мин посылает группу из пяти человек, чтобы забрать этих двоих. Бронетранспортер, в который садятся Зьем и Нью, доставляет их уже бездыханные, изрешеченными пулями тела в штаб заговорщиков.

В Белом доме президенту Кеннеди вручают телеграмму Лоджа, в которой говорится, что Зьем и Нью мертвы, и что руководители переворота заявляют, что те покончили с собой. Кеннеди выскакивает из кабинета, вид у него встревоженный. Спустя 40 минут пресс-секретарь Белого дома Пьер Сэлинджер объявляет, что поездка президента Кеннеди в Чикаго отменяется. В Чикагской штаб-квартире спецслужб идет допрос двух подозреваемых снайперов, потенциальный козел отпущения Томас Артур Валли арестован. Два других предполагаемых снайпера остаются на свободе в Чикаго. Общественности становится известно только о Валли.

5 ноября 1963 г.: Уильям Эттвуд докладывает советнику Кеннеди по вопросам национальной безопасности Макджорджу Банди о предложении Фиделя Кастро ускорить встречу с Эттвудом как представителем Кеннеди. Банди в свою очередь информирует Кеннеди о предложении Кастро. Кеннеди заявляет, что Эттвуду лучше дистанцироваться от правительства и встретиться с Кастро под прикрытием своей прошлой работы в качестве журналиста.

18 ноября 1963 г.: Рене Вальехо говорит по телефону с Уильямом Эттвудом, а Фидель Кастро слушает их беседу. Эттвуд заявляет, что необходима предварительная встреча для определения повестки предстоящего обсуждения с Кастро. Вальехо отвечает, что кубинскому послу Карлосу Лечуге будут отправлены инструкции для определения повестки встречи Эттвуда с Кастро.

Во время выступления в Майами президент Кеннеди обещает Кастро, что если Куба перестанет быть «орудием в руках внешних сил для ниспровержения власти в других американских республиках», то «все возможно».

Советское посольство в Вашингтоне получает плохо отпечатанное, безграмотное письмо, датированное девятью днями ранее и подписанное «Ли Х. Освальдом» из Далласа. В письме делаются попытки вовлечь Советский Союз в заговор с Освальдом с целью убийства президента Кеннеди, которое произойдет через четыре дня. Советские дипломаты расценивают письмо как подделку или провокацию и принимают решение вернуть его американскому правительству, но агенты ФБР вскрыли и скопировали письмо еще до того, как оно попало в посольство.

19–20 ноября 1963 г.: Фидель Кастро проводит шестичасовую встречу с Жаном Даниэлем в гаванском отеле, чтобы во всех подробностях узнать о его разговоре с Кеннеди. Когда Даниэль рассказывает о том, что Кеннеди положительно отзывается о кубинской революции,

но осуждает ее лидера за чуть было не развязанную ядерную войну, Кастро объясняет разрешение размещения советских ракет на Кубе желанием избежать неизбежного вторжения американских войск. Изменив после этого мнение о Кеннеди, Кастро выражает надежду, что того переизберут на новый срок и он станет величайшим президентом Соединенных Штатов, признав возможное сосуществование сторонников капитализма и социализма в обеих Америках.

20 ноября 1963 г.: на аэродроме Ред Берд в Далласе молодые мужчина и женщина пытаются зафрахтовать самолет у Уэйна Джонуэри, владельца частной авиакомпании, на пятницу, 22 ноября. Их вопросы вызывают у Джонуэри подозрение, что они могут угнать самолет на Кубу. Он отказывает им. Два дня спустя из телерепортажей он узнает в Ли Харви Освальде человека, ожидавшего пару в машине.

В городе Юнис (штат Луизиана) наркоманка Роуз Черэми сообщает лейтенанту полиции штата Фрэнсису Фруджу, что двое мужчин, с которыми она остановилась в клубе Silver Slipper Lounge той ночью, ехавшие из Майами в Даллас, планируют убийство президента Кеннеди во время его визита в Даллас.

21 ноября 1963 г.: прежде чем отправиться в поездку по Техасу, президент Кеннеди, узнав о последних потерях во Вьетнаме, говорит помощнику пресс-секретаря Малкольму Килдаффу: «Когда я вернусь из Техаса, я положу этому конец. Вьетнам не стоит даже одной американской жизни».

22 ноября 1963 г.: в 12:30, без агентов службы безопасности во внешней группе сопровождения и в президентском лимузине, автомобиль Кеннеди делает крутой поворот на Дили-плаза и останавливается в том месте, где группа снайперов расстреливает его.

В то время как Фидель Кастро и Жан Даниэль обедают на кубинском курорте Варадеро, им приходит известие о гибели Кеннеди в Далласе. Кастро произнес: «Все изменилось. Нас ждут перемены».

Когда тело президента доставили в Парклендскую больницу в Далласе, 21 свидетель видел огромную рану в правой части у основания черепа, что говорит о смертельном выстреле в голову спереди. На пресс-конференции доктор Малкольм Перри неоднократно описывает входную рану в горло, еще одно доказательство выстрела спереди.

Ли Харви Освальда арестовывают в кинотеатре Texas в 13:50 после убийства далласского полицейского Дж. Типпита в 13:15 человеком, опознанным свидетелями как Освальд. В 13:53 в кинотеатре Texas также арестовывают человека, похожего на Освальда, и выводят его через другой выход. В 15:30 двойника Освальда вывозят из Далласа на транспортном самолете ЦРУ С-54.

Во время вскрытия тела президента, проводившегося в Национальном военно-морском медицинском центре в Бетесде (штат Мэриленд), адмирал Келвин Гэллоуэй, начальник центра, приказывает врачам не исследовать рану горла. Сделанный той ночью рентген показывает неповрежденной заднюю часть черепа, где был выбит большой затылочный фрагмент, который будет найден на следующий день на Дили-плаза, – доказательство того, что рентген был фальшивкой, созданной для сокрытия обширной выходной раны на затылке.

В 23:55 на третьем этаже полицейского управления Далласа связанный с ЦРУ владелец ночного клуба Джек Руби, который, по свидетельству очевидца, привел снайпера на холм – место дислокации второго стрелка, оказывается у открытой двери, через которую полицейские должны были провести заключенного Ли Харви Освальда на пресс-конференцию в полночь. Руби (с револьвером в кармане) не удается застрелить Освальда.

24 ноября 1963 г.: в 11:21 вооруженный Джек Руби вновь получает доступ к заключенному Ли Харви Освальду, на этот раз в то время, когда того ведут из подвала в гараж управления полиции Далласа, чтобы перевезти в окружную тюрьму. Руби стреляет в Освальда в упор, и это видят на экранах телевизоров в прямом эфире миллионы людей.

Во второй половине дня в Вашингтоне президент Линдон Джонсон встречается с послом Генри Кэботом Лоджем, вернувшимся из Вьетнама. Джонсон заявляет Лоджу: «Я не собираюсь терять Вьетнам. Я не собираюсь быть президентом, который позволит Юго-Восточной Азии идти путем, по которому пошел Китай».

Глава первая

Покаяние «рыцаря» холодной войны

Как сказал Альберт Эйнштейн, с высвобождением силы атома человечество вступило в новую эру. Атомная бомбардировка Хиросимы ознаменовала переломный момент: либо мы закончим войну, либо война доконает нас. В своих размышлениях о Хиросиме в сентябрьском выпуске 1945 г. *Catholic Worker* Дороти Дэй писала: «Г-н Трумэн ликовал. Президент Трумэн. Настоящий человек; какое необычное имя, если задуматься. Мы называем Иисуса Христа истинным Богом и истинным Человеком. Трумэн – настоящий человек своего времени, поэтому он не мог не ликовать»^[12].

Президент Трумэн находился на борту крейсера *Augusta*, возвращаясь с Потсдамской конференции, когда ему сообщили, что Соединенные Штаты превратили Хиросиму в пепел, сбросив на нее атомную бомбу. Трумэн был в восторге. Он заявил: «Это величайшее событие в истории!» Он ходил от одного человека к другому, неважно был ли это офицер, или член экипажа на корабле, и словно городской глашатай, рассказывал им об этой громкой новости.

Дороти Дэй отметила: «“Ликующий”, – говорили газеты. Ликуй, Господи, мы убили 318 000 японцев».

Спустя 17 лет, во время Карибского кризиса, другой президент, Джон Кеннеди, находясь под огромным давлением, почти подвел США к ядерному холокосту, который превзошел бы по мощности бомбу, сброшенную на Хиросиму, в тысячи раз. Но в отличие от Трумэна, Кеннеди признал, что ядерное оружие – зло. Кеннеди пошел против Объединенного комитета начальников штабов и большинства своих гражданских советников, которые считали необходимым упреждающий удар по советским ракетам на Кубе. По Божьей милости и благодаря сопротивлению Кеннеди, а также Никите Хрущеву, проявившему готовность пойти на уступки, человечество пережило этот кризис.

Однако Кеннеди смог порадоваться этому лишь чуть больше года. Как мы увидим, его продолжающаяся политика ухода от ядерной войны к миру через 13 месяцев стала причиной его убийства.

Встают два острых вопроса, связанных с убийством Кеннеди. Первый: зачем организаторы заговора подвергали себя риску разоблачения и позору, согласившись на убийство любимого народом президента? Второй: почему Джон Кеннеди готов был отдать свою жизнь за мир, когда он понимал, что смерть неминуема?

Второй вопрос может быть ответом на первый, потому что нет ничего более опасного для системного зла, чем те, кто готов противостоять ему, независимо от последствий. Поэтому мы попытаемся рассмотреть эту историю сквозь призму жизни Джона Кеннеди, чтобы понять, почему он стал настолько опасным для самой могущественной военно-экономической коалиции в истории, что субъекты этой власти были готовы поставить на кон все, что у них есть, лишь бы убить его.

Рассматривая вопрос формирования характера Джона Кеннеди, биографы сосредоточили внимание на его воспитании как богатого молодого человека в неблагополучной семье. Сквозь эту призму Кеннеди выглядел безрассудным плейбоем с юности и до самой смерти, находившимся под влиянием деспотичного отца-ловеласа и эмоционально сдержанной, строгой матери-католички. Эта полуправда не объясняет, как президент Кеннеди позже смог противостоять давлению на него со стороны военных и спецслужб, стремившихся развязать войну.

Жизнь Кеннеди шла, если можно так выразиться, под знаком смерти – парящий ангел смерти словно охотился за его жизнью. Он долго и тяжело болел. Он много раз находился на пороге смерти – чуть не умер от скарлатины, когда ему было два или три года, от целой череды детских и подростковых болезней, от хронического заболевания крови в школе-интернате, от того, что врачи ошибочно приняли за сочетание колита и язвы, от кишечных заболеваний во

время учебы в Гарварде, от остеопороза и проблем с позвоночником, усугубившимися военными ранениями, последствия которых преследовали его всю оставшуюся жизнь, от недостаточности надпочечников и, как следствие, болезни Аддисона^[13]. Для членов семьи и друзей Джек³ Кеннеди всегда выглядел больным и умирающим.

И все же он весело и с иронией смотрел на жизнь. Как слабые, так и сильные стороны его характера формировались на основе глубокого убеждения, что смерть должна наступить очень скоро. «Главное, – сказал он своему другу во время долгой беседы о смерти, – каждый день жить так, как будто это твой последний день на земле. Я так и делаю»^[14]. Если взглянуть на его жизнь под этим углом, то Джон, действительно, был безрассудным и славился сексуальными похождениями, которые станут предметом обсуждений в СМИ после его смерти. Он также мог быть мужественным и служить примером истинного героизма. Он не боялся смерти. Став президентом, он часто шутил о ее приближении. Ангел смерти был его компаньоном. Улыбаясь в лицо собственной смерти, Кеннеди считал, что имеет полное право уберечь от гибели других людей.

Вторая мировая война сделала из Джона Кеннеди человека, готового отдать свою жизнь за друзей. За два года до бомбардировки Хиросимы Кеннеди был командиром торпедного катера в южной части Тихого океана. В ночь с 1 на 2 августа 1943 г. он был за штурвалом своего торпедного катера РТ-109, который патрулировал в проливе Блэкетта в районе Соломоновых островов, в водном коридоре, используемом японскими эсминцами. Это была безлунная ночь. Внезапно из темноты появился корабль и направился к РТ-109. Впередсмотрящий закричал: «Корабль по курсу на два часа!» Кеннеди был за штурвалом. Японский противолодочный корабль врезался в РТ-109, сделав гигантскую пробоину в правом борту. «Вот как выглядит смерть», – подумал Кеннеди, когда его отбросило от штурвала. Раздался ужасный грохот, когда взорвалось горючее на борту.

Часть катера, на которой находился Кеннеди, осталась на плаву. Четверо из 12 членов его экипажа находились там же. Еще двоих никто больше не видел и не слышал. Остальные шестеро оказались в воде, но они были живы. Кеннеди, занимавшийся плаванием во время учебы в Гарварде, поплыл в темноте на крик, в поисках обгоревшего инженера Макмэхона. Он подбадривал и уговаривал других не сдаваться, а затем несколько сотен метров тащил на себе Макмэхона к оставшейся на плаву части корабля, которую можно было различить благодаря мигающему свету, подаваемому членами экипажа. Все оказавшиеся в воде добрались до покосившейся палубы и буквально рухнули на нее. Было непонятно, сколько времени для их спасения потребуется патрульным катерам с базы на острове Рендова в 65 км от них.

Когда помощь не пришла ни утром, ни днем, группа покинула тонущий обломок катера. Они поплыли на маленький пустынный остров в окружении больших островов, на которых находились японские солдаты. Девять членов экипажа держались за бревно и усиленно гребли руками и ногами в сторону острова. Кеннеди снова буксировал Макмэхона, держа в зубах ремень от его спасательного жилета.

Кеннеди плыл 10-минутными рывками, останавливаясь, чтобы передохнуть и проверить, как себя чувствует Макмэхон. Вот как описывает этот эпизод историк от лица Макмэхона:

«Как человеку чувствительному, Макмэхону такое плавание показалось бы абсолютно недопустимым, если бы он знал, что Кеннеди тянет его на себе более пяти километров с большой спиной. Ему и без этих знаний было очень нелегко. Лежа на спине с обгоревшими, раскинутыми в стороны руками, Макмэхон почти ничего не мог видеть, кроме неба и конуса [вулканического острова] Коломбангара. Он не видел других, и хотя все они плыли рядом, он слышал только пыхтение и всплески воды. Он не видел Кеннеди, но чувствовал, как напрягалось его плечо, когда тот тащил его вперед, и слышал его тяжелое дыхание.

³ Так Джона называли близкие родственники. – *Прим. ред.*

Иногда Макмэхон пытался работать ногами, но сил у него не было. Плавание казалось бесконечным, и он сомневался, что это путь к спасению. Он был голоден и ему ужасно хотелось пить, кроме того, его не покидало чувство страха перед акулами. Осознание того, что он ничего не может сделать, чтобы спастись от волн, акул или врагов, угнетало его. Он прекрасно понимал, что его жизнь висела на ремне, который крепко держал в зубах Кеннеди»^[15].

Из-за того, что Кеннеди тянул на себе Макмэхона, 11 членам экипажа потребовалось целых четыре часа, чтобы добраться до небольшого острова. Они рассредоточились по пляжу и спрятались под деревья, чтобы их не заметила японская баржа, прошедшая вдоль береговой линии.

Когда помощь не пришла и к вечеру, Кеннеди сказал экипажу, что он поплывет в сторону пролива Фергюсон Паседж в двух километрах от острова, там, где торпедные катера обычно патрулировали после наступления темноты. Для подачи сигналов он взял фонарь с катера 109, который завернул в спасательный жилет. Через полчаса Кеннеди прошел риф, затем плыл еще час, пока не достиг пункта назначения. Он находился в воде, в полной темноте, ожидая катеров. Через некоторое время он заметил какое-то движение за пределами острова Гизо, в 16 км от него. Патрульные катера пошли по другому маршруту.

Кеннеди попытался вернуться к своим. Он очень устал. Быстрое течение понесло его мимо острова в открытый океан.

Корреспондент *New Yorker* Джон Херси взял интервью у членов экипажа РТ-109 и написал историю их спасения. В ней он описал время, которое Кеннеди провел в воде, как борьбу на грани жизни и смерти: «Было ясно, что ситуация, по сути, безысходная, но попытки что-то сделать говорили о том, что подсознательно он не собирался сдаваться. Он сбросил ботинки, но оставил тяжелый фонарь, как символ связи с его товарищами. Он перестал сопротивляться. Казалось, ему было уже все равно. Он дрейфовал в воде и очень замерз. Его разум помутился. Еще несколько часов назад он отчаянно хотел добраться до базы в Рендова, теперь же просто хотелось вернуться на маленький остров, откуда он уплыл ночью, но сил добраться туда не было; это было просто желание. Казалось, разум оставил тело. Тьма и время заняли его место. Он то дремал, то терял рассудок, то просто плыл в почти бессознательном состоянии.

Течение в районе Соломоновых островов очень странное. Приливная волна поднимается и проходит через острова, создавая причудливые завихрения. И одно из таких завихрений стало для Кеннеди судьбоносным. Он почти ничего не понимал, но продолжал крепко сжимать в руке фонарь. Течение сделало большой круг – к западу мимо Гизо, затем на север и восток вдоль Коломбангара, затем на юг к Фергюсон Паседж. Рано утром небо поменяло оттенок с черного на серый, то же самое произошло с сознанием Кеннеди. Около шести утра свет озарил как небо, так и сознание Кеннеди. Оглядевшись, он понял, что находится на том же самом месте, где был позапрошлой ночью, когда видел вспышки над Гизо»^[16].

Кеннеди поплыл обратно на остров, выбрался на берег и рухнул в объятия экипажа. Позже он так рассказывал об этом эпизоде: «Я никогда в жизни так не молился»^[17].

Как хорошо известно из истории РТ-109, в конце концов меланезийские туземцы спасли 11 американцев. Туземцы принесли кокос, на скорлупе которого Кеннеди вырезал SOS для берегового наблюдателя австралийских ВМС Реджа Эванса, который работал за линией фронта. Эванс послал радиogramму с просьбой к ВМС США оказать помощь.

Тем временем Кеннеди и его товарищ по несчастью Барни Росс, не зная о том, что спасение уже близко, чуть не погибли при очередной неудачной попытке подать сигнал торпедным катерам ночью в Фергюсон Паседж. Они нашли выдолбленное каноэ и отправились на нем в темноту. Каноэ захлестнуло волной. Волны выбросили двух мужчин на риф, но им опять повезло, и они снова спаслись.

Команда Кеннеди никогда не забывала о том, как он их спас. После войны они периодически встречались с ним. Главное, что вынес Кеннеди для себя после этой войны, – глу-

бочайшее понимание ценности жизни друзей. Военное время ознаменовалось для Кеннеди тяжелыми утратами. Помимо гибели товарищей в результате взрыва торпедного катера, ему пришлось пережить смерть своего брата Джо Кеннеди – младшего и зятя Билли Хартингтона, а также многих других знакомых. Он постоянно думал о том, что уже несколько раз сам был в шаге от смерти. Как мы знаем, с раннего детства хронические заболевания не раз заставляли балансировать его на краю пропасти. Болезни, боль и близость смерти стали неотъемлемой частью его жизни.

После убийства Джона его брат Роберт Кеннеди написал: «По крайней мере, добрая половина дней, проведенных им на этой земле, были временем сильной физической боли. Совсем маленьким он тяжело перенес скарлатину, в юности страдал от серьезной проблемы со спиной. В промежутке он переболел всеми другими мыслимыми заболеваниями. Детьми мы часто шутили, что комар, укусивший Джека Кеннеди, сильно рискует – тот, кто выпьет его кровь, обречен на смерть. После войны он долго лежал в госпитале ВМС Chelsea, перенес серьезную и болезненную операцию на позвоночнике в 1955 г., провел на костылях всю предвыборную кампанию в 1958 г. В 1951 г., когда мы совершали мировое турне, он заболел. Мы полетели в военный госпиталь на Окинаве, у него поднялась температура до 41 °С. Врачи считали, что он не выживет.

Но я никогда не слышал, чтобы он жаловался. Я никогда не слышал, чтобы он роптал на Бога, обвиняя его в несправедливости. Те, кто знал его хорошо, догадывались об испытываемых им страданиях только по бледному лицу, глубоким морщинам вокруг глаз и резким выражениям. Те, кто его плохо знал, ничего не замечали»^[18].

После спасения экипажа PT-109 Кеннеди задумался о цели жизни, шанс на которую он снова получил благодаря необычному течению и состраданию меланезийских туземцев^[19].

Предотвращение новой войны стало главной мотивацией Джона Кеннеди для ухода в политику после Второй мировой войны. Когда 22 апреля 1946 г. в Бостоне Кеннеди выдвинул свою кандидатуру на выборах в Конгресс, казалось, что он скорее баллотируется от некоей «партии миротворцев», а не как член Демократической партии из штата Массачусетс: «Теперь мы будем формировать историю цивилизации долгие годы. Сейчас мы живем в мире, уставшем от горя, пытающемся залечить раны жесткой борьбы. Это ужасно. Но еще хуже то, что мы живем в мире, который смог высвободить чудовищную силу атомной энергии. Мы живем в мире, способном уничтожить себя. Нас ждут тяжелые дни. Самое важное, что мы должны понять, – это то, что день и ночь все имеющиеся у нас творческие и промышленные ресурсы должны работать исключительно на укрепление мира. У нас не должно быть другой войны»^[20].

Откуда у этого 28-летнего кандидата в Палату представителей в ядерный век такое видение мира?

После того, как Кеннеди ушел из ВМС по причине больной спины и колита, он принял участие в конференции в Сан-Франциско, на которой в апреле-мае 1945 г. была создана ООН, в качестве журналиста империи желтой прессы Уильяма Херста⁴. Позднее он сказал друзьям, что участие в заседании ООН и в Потсдамской конференции в июле помогли понять, что политическая арена «нравится вам это или нет, является местом, где каждый человек имеет наибольшую возможность предотвратить начало новой войны»^[21].

Однако то, что он увидел в Сан-Франциско еще до окончания войны, – это серьезный конфликт между военными союзниками. 30 апреля он предупредил своих читателей, что «предстоящая неделя в Сан-Франциско» станет «настоящим испытанием советско-американских отношений»^[22].

⁴ Уильям Херст (1863–1951) – американский медиамагнат и политик, создатель «желтой прессы». Отличался пронацистскими настроениями, публиковал статьи нацистских лидеров, неоднократно с ними встречался. Является прототипом главного героя в фильме Орсона Уэлса «Гражданин Кейн». – *Прим. науч. ред.*

Борьба за власть, которую он наблюдал в ООН, побудила Кеннеди написать своему другу, с которым он служил на торпедном катере РТ: «Когда думаешь о том, чего нам стоила эта война, а именно о гибели Сая, Питера, Орва, Джила, Деми, Джо и Билли, и том, что наряду с ними погибли тысячи и даже миллионы других людей, – когда я вспоминаю мужественные поступки, свидетелями которых были многие из тех, кто прошел войну, – очень легко почувствовать себя разочарованным или преданным... Мы были свидетелями боев, когда жертвовать своей жизнью было обычным делом, и когда я сравниваю эту жертвенность с трусостью и эгоизмом представителей стран, собравшихся в Сан-Франциско, неизбежно наступает разочарование»^[23].

В своей записной книжке Кеннеди сформулировал решение проблемы войны и указал на трудность его реализации: «Общепризнанно, что решением может стать всемирная организация с четким соблюдением законов. Но все не так просто. Если нет чувства того, что война – это наивысшее зло, чувства достаточно сильного для того, чтобы объединить нации, тогда практически невозможно создать подобный международный план»^[24].

«Нельзя навязывать политику сверху», – писал будущий президент своему другу. После чего он выразил пророческое, дальновидное мнение: «Мировой отказ от суверенитета должен исходить от народа – он должен быть настолько сильным, что избранные делегаты будут отстраняться от должности, если они не смогут это обеспечить... Война будет существовать до тех пор, пока человек, отказывающийся исполнять воинскую повинность по политическим или религиозно-этическим соображениям, не начнет пользоваться такой же репутацией и престижем, каким пользуется сегодня человек воюющий»^[25].

У Кеннеди были причины еще раз вернуться к этой мысли, когда он путешествовал по послевоенной Европе летом 1945 г. 1 июля в Лондоне он встретился за ужином с Уильямом Дугласом-Хоумом, бывшим капитаном британской армии, который был приговорен к году тюремного заключения за отказ стрелять по гражданским лицам. Дуглас-Хоум стал его другом на всю жизнь. Кеннеди написал в своем дневнике: «Доблесть на войне по-прежнему вызывает глубокое уважение. Еще далек тот день, когда люди откажутся от военной службы по соображениям совести»^[26].

В том же дневнике он описал последствия появления оружия, способного уничтожить мир. В записях от 10 июля 1945 г., за шесть дней до первого атомного взрыва в Аламогордо (Нью-Мексико), Кеннеди размышлял об этом ужасном оружии и его значении в отношениях с Россией: «Столкновение [с Россией] может быть в итоге отложено навсегда или на неопределенное время в связи с изобретением этого ужасного оружия, которое, по правде говоря, означает уничтожение всех наций, использующих его»^[27].

В Палате представителей и в Сенате стремления Джона Кеннеди к миротворческой деятельности после Второй мировой войны исчезли в пучине холодной войны. Воинственность его взглядов в 1950-е гг. является продолжением его подхода, сформулированного в книге «Почему спала Англия» (Why England Slept)⁵, которую он написал в 1940 г. на основе дипломной работы, подготовленной в Гарвардском университете.

В книге Кеннеди говорилось о том, что Великобритания слишком медленно перевооружается, чтобы противостоять нацистской Германии. Он безапелляционно отнес этот урок и к политике США и Советского Союза. Как начинающий сенатор в июне 1954 г. он направил усилия Демократической партии на то, чтобы увеличить военный бюджет на \$350 млн для восстановления двух дивизий, которые сократил президент Эйзенхауэр и, таким образом, для обеспечения «явного преимущества над нашими врагами»^[28]. Кеннеди бросает вызов госсек-

⁵ Название является парафразом известной предвоенной книги, сборника речей У. Черчилля «Пока спала Англия». В книге резко критикуется «мюнхенский сговор» европейских держав с Гитлером в 1938 г., к которому имел отношение и который поддерживал отец Джона Кеннеди – Джозеф Кеннеди. – *Прим. науч. ред.*

ретарю Джону Фостеру Даллесу в его ставке на массированное применение ядерного оружия. Поправка Кеннеди потерпела неудачу, но его приверженность «гибкой» стратегии «холодной войны» с акцентом на обычные вооруженные силы и «в меньшей мере» на ядерное оружие будет четко прослеживаться в период его президентства. Это была иллюзорная политика, поддерживаемая демократами, которая могла бы легко привести к тому же глобальному разрушению, как и доктрина Даллеса.

В 1958 г. сенатор Джон Кеннеди произнес большую речь, в которой раскритиковал администрацию Эйзенхауэра за «ракетный разрыв» между СССР (якобы имеющим превосходство в военной мощи) и США. Кеннеди повторил обвинение в «ракетном разрыве» в своей успешной президентской кампании 1960 г., превратив его в аргумент в пользу увеличения военных расходов. Когда он стал президентом, его советник по науке Джером Визнер сообщил ему в феврале 1961 г., что «ракетный разрыв» был выдумкой, на что Кеннеди ответил одним словом, «допускаю», по мнению Визнера, «скорее гневаясь, чем с облегчением»^[29]. На самом деле Соединенные Штаты имели подавляющее стратегическое превосходство над ракетными силами СССР^[30]. Независимо от того, подозревал об этом Кеннеди или нет, он принял миф о холодной войне и построил на нем свою избирательную кампанию, и сейчас частично на этом основании занимался опасным наращиванием военных сил уже в качестве президента. Маркус Раскин, бывший аналитик администрации Кеннеди, ушедший с государственной службы, чтобы стать критиком власти, подытожил зловещее направление, в котором двигался новый президент: «В период правления Кеннеди Соединенные Штаты намеревались развивать свой военный потенциал на всех уровнях, начиная с термоядерной войны и заканчивая карательными операциями против повстанцев»^[31].

Однако, как мы увидим, Раскин также заметил значительные перемены во взглядах Кеннеди после Карибского кризиса, а именно развитие более позитивных инстинктов у президента, которые становились очевидными. Даже в те годы, когда он поддерживал принципы обороны в условиях холодной войны, сенатор Кеннеди иногда расходился во взглядах со странами Западной Европы относительно колониальных войн, особенно в Индокитае и Алжире. В своем выступлении в Сенате 6 апреля 1954 г. Кеннеди подверг критике расчеты на финансируемую США победу Франции во Вьетнаме над революционными силами Хо Ши Мина. «Никакая военная помощь со стороны Америки в Индокитае, – предупредил Кеннеди в своем выступлении, которое он будет вынужден вспомнить, став президентом, – не обеспечит победы над врагом, который есть везде, и в то же самое время нигде, “врагом из народа”, на стороне которого симпатия и скрытая поддержка населения»^[32]. Беседуя с сенатором Эвереттом Дирксоном, Кеннеди отметил, что видит два мирных договора для Вьетнама, «один, дающий вьетнамскому народу полную независимость», другой – «обязательства, связывающие их с Французским союзом на основе абсолютного равенства»^[33].

В 1957 г. Кеннеди выступил в поддержку независимости Алжира. Весной того года он разговаривал с алжирцами, которые искали аудиенции в Организации Объединенных Наций, на тему национально-освободительного движения. В июле 1957 г. он выступил в Сенате в их поддержку, заявив: «Никакие взаимные любезности, самообман, ностальгия или сожаления не должны ослепить Францию или Соединенные Штаты настолько, чтобы не понимать: если Франция или Запад в целом захотят иметь постоянное влияние в Северной Африке... первым важным шагом является независимость Алжира»^[34]. Речь вызвала фурор. Кеннеди стали обвинять в том, что он поставил под угрозу единство НАТО. Его биограф Артур Шлезингер – младший писал об этом эпизоде: «Даже демократы отвернулись от него. Дин Ачесон презирал его. Эдлай Стивенсон считал, что он зашел слишком далеко. В течение следующей пары лет влиятельные люди упоминали “алжирскую речь” Кеннеди как свидетельство его безответственности в сфере внешней политики»^[35]. Однако в Европе речь вызвала позитивное отношение, а в Африке восхищение.

Когда Кеннеди стал председателем Африканского подкомитета, он заявил в 1959 г. в Сенате: «Назовите это национализмом, назовите это антиколониализмом, назовите это как хотите, Африка переживает революцию... Слово вырвалось и распространилось с быстротой молнии почти на тысячи языках и диалектах, – слово о том, что нет больше необходимости вечно жить в бедности или в рабстве». Поэтому он продвигал идею «солидарности движению за независимость, поддержки экономических и образовательных программ и “сильную Африку” как цель американской политики»^[36]. Историки почти не заметили тот факт, что Джон Кеннеди продолжал поддерживать идею свободной Африки во время президентской кампании 1960 г. и на должности президента, о чем свидетельствует комплексное исследование Ричарда Махони «Джон Кеннеди: испытание в Африке» (JFK: Ordeal in Africa)^[37].

Также незамеченным, и в конфликте с его предвыборным заявлением о ракетном разрыве, стало повторное обращение Кеннеди в момент прихода в политику, к его цели – достижению мира в атомный век. Поскольку предварительные выборы в 1960 г. увеличили его шансы на президентство, Кеннеди сказал журналисту, бравшему интервью в его офисе в Сенате, что самым ценным личным опытом, который он бы мог привнести на посту президента, является ужас войны. Кеннеди сказал, что он «прочел труды великих военных стратегов – Карла фон Клаузевица, Альфреда Тайера Мэхэна и Бэзила Генри Лидделла Харта – и задался вопросом, имеют ли какой-либо смысл их теории неограниченного насилия в атомный век. Он выразил презрение к устаревшему военному мышлению, исключив из этого списка великую американскую тройку – Джорджа Маршалла, Дугласа Макартура и Дуайта Эйзенхауэра... По словам Кеннеди, война со всем ее сегодняшним кошмаром была бы его самой главной проблемой, если бы он попал в Белый дом»^[38].

Хью Сайди, журналист, который слушал размышления сенатора Кеннеди 1960 г. о войне, написал 35 лет спустя в ретроспективном эссе: «Если бы мне нужно было выделить один элемент в жизни Кеннеди, который больше всего повлиял на его последующее руководство страной, это был бы кошмар войны, полное отвращение к ужасным потерям, которые современная война принесла людям, народам и обществу, и, как было отмечено выше, ядерная угроза. Это даже глубже его масштабной публичной риторики по этому вопросу»^[39].

В инаугурационном послании 20 января 1961 г. взгляды Джона Кеннеди на холодную войну тесно переплетались с надеждами людей во всем мире, которые не привыкли к тому, что президент США разделяет их опасения. Он одновременно вдохновлял и предупреждал их. Например, появляющиеся нейтральные лидеры, некоторые из которых получили поддержку Кеннеди в Сенате, услышали такое обещание:

«Тем новым государствам, которых мы приветствуем в рядах свободных, мы даем слово, что ни одна форма колониального контроля не должна исчезнуть только для того, чтобы ее заменила другая, более деспотичная. Мы не всегда можем ожидать, что они поддержат нашу точку зрения. Но мы всегда будем надеяться на то, что у них будет достаточно сил поддержать их собственную свободу и помнить, что в прошлом те, кто безрассудно добивались власти верхом на спине тигра, оказались у него в пасти»^[40].

Притча нового президента о тигре могла иметь и прямо противоположный смысл. То, что для американцев было олицетворением коварного коммунистического тигра, для нейтральных наблюдателей, по крайней мере, этот тигр мог иметь как капиталистические, так и коммунистические оттенки. Именно так и произошло в период президентства Кеннеди благодаря его поддержке повстанцев в Южном Вьетнаме, где правительство государства-клиента оказалось в пасти американского тигра, которого оно оседляло.

Одним из худших решений Кеннеди на должности президента будет разработка методов борьбы с повстанцами путем расширения специальных сил армии США, которые он потом окрестил «зелеными беретами». Кеннеди объяснял создание «зеленых беретов» ответным шагом на коммунистические партизанские движения, не будучи способным признать в том,

что борьба с повстанческим движением может перерасти в терроризм. Идея о том, что Соединенные Штаты могут размещать «зеленые береты» в государствах-клиентах, чтобы «завоевать сердца и умы людей», было противоречием, которое стало негативным наследием Кеннеди.

В своем инаугурационном обращении новый президент не признал этого противоречия. Он объединил свое обещание перед неимущим населением мира с мотивами отказа от холодной войны: «Всем тем, кто ютится в хижинах и деревнях на доброй половине земного шара, пытаясь разорвать узы массовых страданий, мы обещаем приложить все усилия, чтобы помочь им, независимо от того, сколько на это потребуется времени, и не потому, что это смогут сделать коммунисты, не потому, что нам нужны их голоса, а потому, что это правильно».

В основе инаугурационной речи Кеннеди лежало его обращение к врагу и к идее всей своей жизни – построению мира: «И наконец, тем народам, которые хотят стать нашими противниками, мы выдвигаем не просьбу, а требование: обе стороны должны вернуться к теме мира, прежде чем темные силы разрушения, высвобожденные научным прогрессом, намеренно или случайно приведут человечество к самоуничтожению».

Снова звучало предупреждение: «Мы не имеем права ничего обещать, находясь в слабой позиции. Только тогда, когда у нас будет достаточно оружия, мы сможем со всей уверенностью утверждать, что это оружие не будет использовано».

И надежда: «Давайте предоставим обеим сторонам возможность узнать, какие проблемы нас объединяют, а не разделяют...»

«Пусть обе стороны объединятся, чтобы в любом уголке земли можно было услышать пророчество Исаяи – “снимите тяжелое бремя... (и) пусть угнетенные станут свободными”».

Что примечательно в инаугурационной речи Джона Кеннеди – это то, что она точно отражает глубокие противоречия его политической философии. Как можно было в атомный век совместить его чувство страха перед войной и приверженность к миротворчеству со страстным сопротивлением тоталитарному врагу? Будучи свидетелем того, как Вторая мировая война унесла миллионы жизней, в 1945 г. Кеннеди представлял себе тот день, когда «человек откажется исполнять воинскую повинность по идейным соображениям», наряду с международным отказом от суверенитета и искоренением войны по просьбе общественности. Однако, когда он принял присягу, до такого дня было еще далеко. Более того, Джон Кеннеди оставался рыцарем холодной войны в своих представлениях о том, какие средства необходимо применить, чтобы противостоять диктатуре, – оружие, которое на тот момент превысило все разумные пределы по силе разрушения. Поэтому ради достижения мира и свободы у него не было другого выхода, кроме как договориться с врагом о справедливом мире в рамках наиболее опасного в мировой истории политического конфликта. Он узнает потом, насколько опасно было с его стороны добиваться этой договоренности.

Как уже известно из введения к этой книге, мой взгляд на убийство президента Кеннеди исходит из трудов монаха, члена ордена трапистов Томаса Мертона, возможно, малоизвестного источника. Биографии этих двух людей совершенно не похожи. В то время как Джона Кеннеди в 1943 г. закручивало волной тихоокеанского течения, Томас Мертон был монахом-послушником в Гефсиманском аббатстве на холмах Кентукки. Тем не менее в обоих случаях можно разглядеть божественную руку помощи, спасающую их жизнь для какой-то будущей миссии. Как уже знают читатели автобиографии Мертона «Семиярусная гора», выпускника Кембриджского и Колумбийского университетов занесло в Гефсиманское аббатство таким же непредсказуемо-милосердным течением, какое вынесло Джона Кеннеди на рассвете к месту спасения в проливе Блэкетта и спасло его от череды смертельных болезней. В ту ночь в Тихом океане Кеннеди в полусознательном состоянии мечтал доплыть до маленького острова, где находились другие члены экипажа торпедного катера, так же как Мертон мечтал о духовном путешествии в Гефсиманское аббатство. Он не пытался туда добраться. Он просто хотел и страстно молился об этом без привязки к цели. Мертон, прибывший в Аббатство Бого-

матери Гефсиманской, был похож на Кеннеди, выбравшегося на берег и упавшего в объятия своей команды.

В начале 1960-х гг. Томас Мертон не мог не отреагировать на неминуемую угрозу, которую несла в себе ядерная война. Его работы по ядерному кризису, при подготовке которых он пришел к тому, что назвал неизъяснимым, характеризуют общую обстановку, проливающую свет на президентскую борьбу и убийство Джона Кеннеди. Благодаря своим эмоциональным статьям, направленным против наращивания ядерного вооружения, Мертон стал одиозной фигурой. Встревоженное монастырское руководство приказало ему прекратить публикацию материалов, посвященных проблемам мира. Мертон принял это во внимание, но продолжал оставаться глубоко убежденным в необходимости нести истину в массы, но, возможно, в другом, не запрещенном формате. Еще до того, как началось неизбежное преследование его опубликованных статей, он нашел другой способ действовать по велению своей совести – написание серии писем о мире.

В течение года в самый разгар президентства Кеннеди, с октября 1961 г. (вскоре после Берлинского кризиса) до октября 1962 г. (сразу после Карибского кризиса), Мертон рассылал письма о войне и мире широкому кругу получателей. Среди них были психологи Эрих Фромм и Карл Штерн, поэт Лоуренс Ферлингетти, архиепископ Томас Робертс, Этель Кеннеди, Дороти Дэй, Клэр Бут Люс, физик-ядерщик Лео Сциллард, романист Генри Миллер, Синдзо Хамаи, мэр Хиросимы, и Эвора Арка де Сардиния, жена находившегося в эмиграции кубинского политика, захваченного в плен в ходе финансируемого ЦРУ вторжения в заливе Свиней. Мертон собрал более 100 писем, размножил на мимеографе, переплел и отправил друзьям в январе 1963 г. Он назвал этот неофициальный сборник размышлений «Письма о холодной войне».

В предисловии к письмам Мертон указал на те силы в Соединенных Штатах, которые угрожают ядерным холокостом: «В действительности кажется, что во время холодной войны, а может, уже и во время Второй мировой войны, эта страна стала, откровенно говоря, воинствующим государством, построенным на финансовом благополучии, структуре власти, при которой интересы большого бизнеса, одержимость военных сил и фобии политических экстремистов доминируют и диктуют нашу национальную политику. Кроме того, похоже, что людей в этой стране, в общем и целом, низвели до пассивности, замешательства, обид, разочарования, бездумности и невежества, потому как они слепо следуют за любыми идеями, которые им предлагают средства массовой информации»^[41].

Мертон писал, что протест в его письмах был направлен не только против опасности или ужасов войны. Это был протест «не просто против физического уничтожения, и тем более не против физической угрозы, а против губительного нравственного зла и полного отсутствия этики и здравого смысла, как правило, присутствующих в международной политике». «Да, – добавлял он, – президент Кеннеди – проницательный, а иногда и авантюрный лидер. У него благие намерения и наилучшие побуждения, и он, без сомнения, порой оказывается в столь сложной ситуации, что его действия не могут не выглядеть абсурдными»^[42].

Пока мы следим за тем, как «проницательный, а иногда и авантюрный лидер» погружался в глубокую бездну, с которой он никогда раньше не сталкивался в Тихом океане, письма созерцателя из монастыря в Кентукки будут отражением того времени, когда Джон Кеннеди оказывался в «столь сложной ситуации, что его действия не могли не выглядеть абсурдными».

Мертон не всегда испытывал такую симпатию к президенту Кеннеди. Годом ранее в осуждающем, пророческом письме своему другу У. Ферри он писал: «Я почти не верю, что Кеннеди способен чего-то достичь. Я считаю, что он не может в полной мере оценить масштаб стоящих задач, и ему не хватает творческого воображения и более глубокой восприимчивости. Слишком велика его привязанность к таким понятиям, как “время” и “жизнь”, в чем, я полагаю, он ушел не дальше, скажем, Линкольна. То, что необходимо на самом деле, это не проницательность или профессионализм, а то, чего не хватает политикам, – глубина, гуман-

ность и в определенной степени полное самоотречение и сострадание не только к отдельным лицам, но и к людям в целом, что представляет собой более глубокий уровень самоотверженности. Возможно, Кеннеди однажды каким-то чудом достигнет этого. Но таких людей чаще всего убивают»^[43].

По мнению Томаса Мертона, чтобы Кеннеди смог сделать этот прорыв с вероятными последствиями, ему нужно было вспомнить сцену в начале своего президентства, когда он только что встретился с советским руководителем Никитой Хрущевым в Вене. Поздно вечером 5 июня 1961 г., на обратном пути в Вашингтон, усталый президент попросил своего секретаря Ивлин Линкольн привести в порядок документы, над которыми он только что закончил работать. Когда Линкольн начала убирать со стола, она заметила маленький клочок бумаги, упавший на пол. На нем почерком Кеннеди в двух строчках было написано любимое высказывание Авраама Линкольна:

«Я знаю, что Бог есть, и я вижу, что надвигается буря;

Если у него есть место для меня, я считаю, что я готов»^[44].

Встреча на высшем уровне с Хрущевым очень расстроила Кеннеди. Ощущение надвигающейся бури пришло к нему в конце встречи, когда они сели друг напротив друга за стол. Подарок Кеннеди Хрущеву, экземпляр Конституции США, лежал между ними. Кеннеди заметил, что корабельные пушки были способны стрелять на расстояние в 800 м и убивать несколько человек. Но если он и Хрущев не смогут договориться о мире, вдвоем они могут убить 70 млн человек, развязав ядерную войну. Кеннеди посмотрел на Хрущева. Хрущев ответил ему пустым взглядом, как бы говоря: «Ну и что?» Кеннеди был возмущен таким, по его мнению, отсутствием ответа со стороны его коллеги. «Нам не удалось найти взаимопонимания», – сказал он позже^[45]. Хрущев, возможно, почувствовал то же самое в отношении Кеннеди. Результатом их неудачной встречи будет еще более угрожающий конфликт. Когда Ивлин Линкольн прочла то, что написал президент, она подумала: «“Я вижу надвигающуюся бурю” – это не просто фраза»^[46].

Предвидя в ту ночь надвигающуюся бурю, Джон Кеннеди, подобно Линкольну, сначала написал как бы для себя: «Я знаю, что Бог есть». Первое впечатление Томаса Мертона о Кеннеди вызывало у него сомнения в том, что он, не имея характера Линкольна, был способен выдержать бурю. Кеннеди, продолжая высказывание Линкольна, молился и надеялся, говоря его словами: «Если [у Бога] есть для меня место, то я считаю, что я готов».

Мертон понимал, что если Кеннеди станет тем, кем он должен быть, он «обречен на смерть». Насколько тонко мог Кеннеди чувствовать опасность для себя в надвигающемся шторме?

Друг президента Пол Фэй – младший⁶ рассказал об инциденте, который показал, что Джон Кеннеди отчетливо осознавал опасность военного переворота. В один из выходных летом 1962 г., когда Кеннеди с друзьями плыл на яхте, его спросили, что он думает о книге «Семь дней в мае» (Seven Days in May) – самом продаваемом романе, в котором описывался вооруженный переворот в Соединенных Штатах. Кеннеди сказал, что прочитает эту книгу. Он прочитал ее за ночь. На следующий день он обсудил с друзьями возможность очередного такого переворота в США. Заметьте, что он сказал это после неудачной операции в заливе Свиней и перед Карибским кризисом:

«Возможно, это может произойти в нашей стране, но для этого необходимы определенные условия. Если, например, в стране молодой президент и у него случился провал в заливе Свиней, может возникнуть определенная обеспокоенность. Возможно, военные немного рас-

⁶ Пол Фэй (1918–2009) – близкий друг Джона Кеннеди. Во время Второй мировой войны служил вместе с ним в учебном подразделении, а затем на базе торпедных катеров на Тихом океане. Был шафером на бракосочетании Джона Кеннеди. В администрации Джона Кеннеди – заместитель министра ВМС (1961–1965), а в 1963 г. – исполняющий обязанности министра. – *Прим. науч. ред.*

критикуют его за спиной, но это будет списано на обычное недовольство военных гражданским контролем над вооруженными силами. Но если ситуация, подобная той, что случилась в заливе Свиней, повторится, то граждане страны поставят вопрос следующим образом: «Может быть, он слишком молод и неопытен?» Военные решат, что обязаны сохранить целостность нации – это их патриотический долг, и только Бог знает, какой сегмент демократии они будут защищать, если свергнут избранное руководство страны».

Сделав паузу, он продолжил: «Затем, если залив Свиней повторится в третий раз, а это вполне может случиться...» Он выдержал еще паузу, чтобы дать слушателям возможность понять глубину мысли, и завершил ее старой морской поговоркой: «Но не в мое дежурство»^[47].

В другой раз Кеннеди рассказал сюжет романа, в котором несколько генералов захватили страну: «Я знаю пару людей, которые, возможно, мечтают об этом»^[48]. Биограф Теодор Соренсен цитирует эту фразу Кеннеди как шутку. Тем не менее, Джон Кеннеди использовал юмор по-разному, и следующее высказывание Соренсена уже не шутка: «Взаимодействие между начальниками штабов и их главнокомандующим оставалось неудовлетворительным на протяжении почти всего президентского срока Кеннеди»^[49].

Президент Кеннеди вдохновил режиссера Джона Франкенхаймера снять фильм «Семь дней в мае» как «предупреждение республике»^[50]. Франкенхаймер говорил, что «Пентагон не хотел, чтобы мы снимали этот фильм. Кеннеди сказал, когда мы соберемся снимать сцены обстрела Белого дома, он отправится в Хайянис-Порт⁷ отдохнуть»^[51].

Как нам уже известно, у президента Джона Кеннеди уже был один залив Свиней. Это был секретный проект, инициированный еще его предшественником президентом Дуайтом Эйзенхауэром^[52]. В конце лета 1960 г., когда Кеннеди стал кандидатом в президенты от Демократической партии, ЦРУ уже начало подготовку полутора тысяч кубинских политэмигрантов на секретной базе в Гватемале к вторжению на Кубу^[53]. На правах нового президента в марте 1961 г. Кеннеди отклонил существующий план «Тринидад», разработанный ЦРУ и предполагавший «воздушно-десантную операцию» на Кубе, в пользу тихой высадки ночью, чтобы не было бы «никаких оснований говорить об американской военной интервенции»^[54]. Когда скептически настроенный Кеннеди окончательно утвердил пересмотренный план ЦРУ по высадке десанта в заливе Свиней в апреле, он вновь подчеркнул, что не станет задействовать американские вооруженные силы, даже если армия наемников потерпит поражение. Руководитель секретной операции ЦРУ Ричард Бисселл заверил его в том, что потребность в воздушных ударах будет минимальна, и что жители острова присоединятся к кубинским наемникам в восстании против Кастро^[55].

На рассвете 15 апреля 1961 г. восемь бомбардировщиков Б-26 кубинских экспедиционных войск нанесли воздушные удары, чтобы уничтожить кубинские ВВС на земле, но смогли сделать это лишь отчасти. Кастро приказал своим пилотам «ночевать под крыльями самолетов», чтобы они могли взлететь в любую минуту^[56]. На следующую ночь, когда бригада готовилась к ночной высадке в заливе Свиней, Макджордж Банди, советник по национальной безопасности Кеннеди, позвонил заместителю генерального директора ЦРУ Чарльзу Кэбеллу и предупредил, что «авиаудары следующим утром не следует начинать до тех пор, пока самолеты не смогут это сделать, используя взлетно-посадочную полосу уже в пределах занятого плацдарма»^[57]. Поскольку такой возможности не было, этот приказ фактически отменял удары с воздуха. В последующие дни армия Кастро взяла десантную группу в кольцо. Армия наемников сдалась 19 апреля 1961 г. Более тысячи человек было взято в плен^[58].

Новый президент сильно разочаровал ЦРУ и военных, приняв решение примириться с поражением в заливе Свиней, а не развязать войну. Позже Кеннеди понял, что оказался вовле-

⁷ Хайянис-Порт – фешенебельный курортный поселок на побережье Атлантического океана в штате Массачусетс, где находится поместье семьи Кеннеди, объявленное в США памятником истории. – *Прим. науч. ред.*

ченным в план ЦРУ, ставший для него ловушкой. Инициаторы этого плана надеялись на то, что обстоятельства вынудят Кеннеди отказаться от наложенных им ограничений на использование вооруженных сил США.

Как еще, спрашивал Кеннеди своих друзей Дэйва Пауэрса и Кена О’Доннелла, Объединенный комитет начальников штабов согласился бы утвердить этот план? «Они были уверены, что я их поддержу и отдам приказ на использование в операции авианосца Essex, – сказал он. – Им трудно было поверить, что новый президент, наподобие меня, не будет паниковать и пытаться сохранить лицо. Ну что ж, они очень сильно ошиблись во мне»^[59].

Главными игроками в обмане Кеннеди были его советники из ЦРУ, в частности, директор Аллен Даллес. Как заметил Артур Шлезингер – младший: «Объединенный комитет начальников штабов только одобрил план «Залив Свиней». А его разработкой занимались в ЦРУ»^[60].

После смерти Аллена Даллеса остались неопубликованные черновики статей, которые Люсьен Ванденбрук назвал «“Признаниями” Аллена Даллеса». В этих рукописных заметках со следами пролитого кофе Даллес рассказывал, как советники ЦРУ, которые отлично владели ситуацией, вовлекли Джона Кеннеди в план, успешная реализация которого противоречила собственным правилам президента, не допускавшим привлечения к боевым действиям армии США. Хотя Даллес и его сообщники знали, что такое условие противоречит плану, который они навязывали Кеннеди, они намеренно замалчивали этот факт, полагая, как писал Даллес, что «реалии ситуации» заставят президента пойти на их условия:

«[Мы] не хотели поднимать эти вопросы – во время [не поддающееся расшифровке слово] обсуждения – так как это могло только ухудшить наше положение и воспрепятствовать получению того, что мы хотели. Мы думали, что все рассчитали, – и когда действительно возникнет кризисная ситуация, никакого другого выбора, кроме как не провалить операцию, а следовательно, одобрить любое действие, направленное на успешный исход, не будет»^[61]. И снова, как сказал Кеннеди, «они очень сильно ошиблись во мне».

Спустя 40 лет после событий в заливе Свиней мы узнали, что план ЦРУ заманить Кеннеди в ловушку был более конкретным, нежели утверждал Даллес в своих рукописях. 23–25 марта 2001 г. на Кубе состоялась конференция, посвященная событиям в заливе Свиней, в которой участвовали «бывшие сотрудники ЦРУ, отставные армейские офицеры и генералы, ученые и журналисты»^[62]. Политический обозреватель Дэниел Шорр сообщил в своем репортаже на Национальном общественном радио, что «после долгих разговоров и просмотра множества рассекреченных документов» у него сложилось новое представление о событиях в заливе Свиней:

«Все указывало на то, что ЦРУ руководило вторжением. Директор Аллен Даллес и его заместитель Ричард Бисселл разработали собственный план вовлечения США в конфликт. Похоже, в действительности они не ожидали восстания против Кастро после высадки десанта, как утверждали в своих меморандумах для Белого дома. Они полагали, что кубинские политэмигранты высадутся и захватят плацдарм, объявят о создании контрреволюционного правительства и обратятся за помощью к Соединенным Штатам и Организации американских государств (ОАГ). Предполагалось, что президент Кеннеди, который был категорически против прямого вмешательства Америки, будет вынужден под давлением общественного мнения прийти на помощь повстанцам. Американские войска, вероятнее всего, морские пехотинцы, будут отправлены на поддержку контрреволюционного правительства.

Фактически президент Кеннеди был объектом секретной операции ЦРУ, которая провалилась, как только провалился план вторжения»^[63].

Даже если бы президент Кеннеди сказал всей операции в заливе Свиней «нет» в самый последний момент (а он думал об этом), у ЦРУ, как оказалось, уже был план обойти решение президента. Когда четыре руководителя кубинской антикастровской бригады рассказывали об этих событиях писателю Хейнсу Джонсону, они ясно показали, как Управление готовилось

к обходу президентского вето. Главный советник ЦРУ по Кубе, которого они знали только как «Фрэнк», сказал им, что делать в случае, если он тайно сообщит им о блокировке всего проекта администрацией: «Если это случится, вы приходите сюда и разыгрываете спектакль – сажаете нас, советников, в тюрьму, а сами следуете плану, детали которого будут вам предоставлены»^[64].

Руководители бригады отметили, что «Фрэнк» был предельно конкретен в своих инструкциях по «захвату» советников из ЦРУ, если администрация попытается запретить их план: «они собирались поставить вооруженного повстанца у дверей комнаты каждого американца, отрезать их от связи с внешним миром и продолжать боевую подготовку до тех пор, пока он не сообщит им, когда и как добраться до базы Трамполин [их точка сбора в Никарагуа]»^[65]. Когда Роберт Кеннеди узнал об этом запасном плане, он назвал его «фактической изменой»^[66].

Реакция Джона Кеннеди на заговор ЦРУ была очень резкой, и о ней не говорили при его жизни и очень редко упоминали после смерти. В статье *New York Times* 1966 г. о ЦРУ высказывание Кеннеди появилось без каких-либо комментариев: «Когда президенту Кеннеди стал понятен весь масштаб катастрофы в заливе Свиней, он сказал одному из высших должностных лиц в своей администрации, что ему хотелось “разорвать ЦРУ на тысячу кусочков и развеять их по ветру”»^[67].

Советник президента Артур Шлезингер – младший рассказывал, когда битва в заливе Свиней еще продолжалась, Кеннеди признался ему: «Это малоприятный способ чему-либо научиться, но из этого я сделал один вывод – нам будет необходимо разобраться с ЦРУ... до этого никто не имел дел с ЦРУ»^[68].

В свое короткое президентство Кеннеди начал борьбу за ограничение власти ЦРУ. Он предпринял попытку пересмотреть мандат ЦРУ и сократить их полномочия в меморандумах по вопросам действий в области национальной безопасности (NSAM) 55 и 57, в результате чего ЦРУ лишили контроля над военными операциями. В NSAM 55 Кеннеди проинформировал Объединенный комитет начальников штабов, что именно он (а не ЦРУ) является его главным военным советником и в мирное, и в военное время. Полковник ВВС США Флетчер Прути, который в то время отвечал за военную поддержку секретных операций ЦРУ, рассказал о влиянии NSAM 55 в своем обращении к генералу Лайману Лемницеру, главе Объединенного комитета начальников штабов:

«Я не могу передать тот шок – просто нет слов, – который это решение вызвало в Вашингтоне: у госсекретаря, министра обороны и особенно у директора ЦРУ. Аллен Даллес, который все еще был директором и который только что пережил хаос, связанный с событиями в заливе Свиней, узнает, что результатом всего этого становится решение Кеннеди сделать генерала Лемницера своим советником. Другими словами, он заявляет, что больше не зависит от Аллена Даллеса и ЦРУ. Историки либо умолчали об этом факте, либо о нем не знали»^[69].

Затем президент Кеннеди отправил в отставку трех главных разработчиков плана операции в заливе Свиней из ЦРУ: директора Аллена Даллеса, заместителя директора Ричарда Бисселла – младшего и заместителя генерального директора Чарльза Кэбелла. По словам Шлезингера, Кеннеди «потихоньку двигался» к тому, чтобы «сократить бюджет ЦРУ в 1962 г., а затем в 1963 г., с намерением добиться 20 %-ного сокращения к 1966 г.»^[70] Он так и не смог разорвать ЦРУ на тысячу кусочков и развеять их по ветру. Но то, что Кеннеди отправил в отставку Даллеса, Бисселла и Кэбелла, сократил бюджет ЦРУ и проявил решимость «взяться» за ЦРУ, стало причиной прямого конфликта Кеннеди с идеологами холодной войны, которые ни за что и ни перед кем не отвечали.

После убийства Джона Кеннеди Аллен Даллес каким-то непостижимым образом вернул утраченные позиции. Иностранные наблюдатели, многие из которых лучше знакомы, чем американцы, с историей Даллеса в заговорах с целью убийства и свержения правительств, задавались вопросом о возможном участии бывшего директора ЦРУ в убийстве человека, который

уволнил его и попытался обуздать ЦРУ. Однако, оставаясь вне подозрений, уже через неделю после убийства Кеннеди Даллес указом нового президента Линдона Джонсона получил место в Комиссии Уоррена. Таким образом, он начал вести расследование, которое указывало на него самого^[71].

Тщательно скрываемые чувства Аллена Даллеса в отношении Джона Кеннеди раскрылись намного позже в ремарке «литературному негру». Молодой помощник редактора журнала *Harper's* Уилли Моррис отправился в особняк Даллеса в Джорджтауне (пригороде Вашингтона), чтобы вместе с ним работать над проектом в защиту роли ЦРУ в «заливе Свиней» – статье, которой «не было суждено увидеть свет», рукописные заметки к которой в один прекрасный день легли в основу «“Признаний” Аллена Даллеса». Однажды, рассуждая о президенте Кеннеди, Даллес ошеломил Морриса резким комментарием. «Этот никчемный Кеннеди, – сказал Даллес, – ...думал, что он был Богом». «Даже сейчас, – писал Моррис более четверти века спустя, – эти слова всплывают в памяти как самый резкий отзыв, который я услышал из уст моего несостоявшегося компаньона»^[72].

Залив Свиней открыл президенту Кеннеди глаза на силовые структуры, которые, как он боялся, всегда будут неподконтрольными ему. Судья Верховного суда Уильям Дуглас вспоминает, как Кеннеди сказал, что залив Свиней представил ему ЦРУ и Пентагон в новом свете: «Этот эпизод сильно его ожесточил. Он почувствовал, какой мощью обладают обе силы, какое влияние ЦРУ и Пентагон оказывают и на гражданскую политику. И я думаю, что он задался вопросом, сможет ли Джек Кеннеди, президент Соединенных Штатов, найти в себе силы и когда-нибудь взять под контроль эти две могущественные организации»^[73].

В то время, как ЦРУ и Пентагон пытались вовлечь Джона Кеннеди в военную операцию в заливе Свиней, монастырское руководство Томаса Мертона запретило ему публиковать соображения по поводу ядерной войны. Тогда Мертон, как и Кеннеди, решил найти другой путь. Слова, «льющиеся» из его пишущей машинки, превращались из неопубликованных рукописей в его «Письма о холодной войне». Как он писал в одном из таких писем архиепископу Томасу Робертсу, который выступал против развязывания ядерной войны, «в настоящее время я чувствую, что наиболее безотлагательным является высказывание того, что назрело и что нужно сделать любым путем. Если высказывание невозможно напечатать, то его нужно размножить на копире. Если нельзя размножить, то пусть оно будет написано на обороте конвертов, главное, о нем нужно говорить»^[74].

Томас Мертон видел произошедшее в заливе Свиней в большей степени глазами одного из своих корреспондентов, с которыми он обсуждал проблемы холодной войны, – Эворы Арки де Сардиния, жившей в Майами. Она написала Мертому, что ее муж, возглавлявший антикастровское движение, был взят в плен во время вторжения на Кубу. Мертон ответил ей в тот же день, как получил письмо, 15 мая 1961 г. В своем письме он выразил «глубокое сострадание и обеспокоенность в этот тяжелый для нее момент»^[75].

В последующей переписке Томас Мертон выступал для Эворы Арки де Сардиния в качестве духовного наставника, так как ее очень волновали расхождения во взглядах и жажда мести среди кубинских политэмигрантов. В январе 1962 г. он написал ей: «Большой ошибкой агрессивных католиков, которые хотят сохранить свою власть и социальный статус любой ценой, является то, что они считают возможным сделать это с помощью силы, и таким образом они идут к тому, чтобы потерять все, что хотят спасти»^[76].

Если президент Кеннеди и его брат, генеральный прокурор Роберт Кеннеди, работали над тем, чтобы привлечь необходимые для выкупа пленников средства, то Мертон предупреждал Эвору Арку де Сардиния о чрезмерной воинственности окружавшей ее атмосферы, которая ставила под сомнение процесс выкупа. В кубинской колонии в Майами, как она написала Мертому, заплатить выкуп злейшему врагу (коммунисту Фиделю Кастро) даже за освобождение своих близких считалось нарушением этики и лояльности.

Мертон отвечал: «Я всегда чувствовал, что усиление беспокойства и печали, заставляющее вас так мучиться, вызвано тем, что вам приходится жить и работать среди кубинских эмигрантов в Майами в атмосфере ненависти и пропаганды, а значит в постоянном стрессе и, в некотором смысле, “вынужденно” занимать агрессивную и воинственную позицию, в то время как ваша совесть говорит вам, что это неправильно»^[77].

Как понимал Мертон, его обеспокоенность по поводу стрессовой ситуации относилась не только к его другу, живущему в среде кубинских эмигрантов в Майами, но и ко всем другим, живущим в Америке времен «холодной войны», к нации, чей антикоммунистический настрой и приверженность ядерному превосходству поставили вновь избранного президента «в положение, когда его действия не могли не выглядеть абсурдными».

31 декабря 1961 г. Мертон написал письмо, в котором он предчувствовал разразившийся 10 месяцев спустя Карибский кризис. Письмо было адресовано Клэр Бут Люс, жене владельца *Time-Life-Fortune* Генри Люса, медиамагната времен холодной войны⁸, редакционная политика которого демонизировала коммунистического врага. Клэр Бут Люс была известна как оратор, писатель и дипломат и разделяла теологию холодной войны, исповедуемую Генри Люсом. В 1975 г. Клэр Бут Люс возглавила следствие по убийству Джона Кеннеди в Специальном комитете Палаты представителей США по расследованию убийств (HSCA), увязнув в долгой охоте за призраками, построенной на дезинформации. Аналитик HSCA Гаэтон Фонзи обнаружил, что в то время Люс входила в совет директоров спонсируемой ЦРУ Ассоциации бывших сотрудников спецслужб^[78]. Даже в начале 1960-х гг. Мертон, обладая исключительной проницательностью, возможно, подозревал связь Люс со спецслужбами. Так или иначе, он знал ее как одну из самых богатых, самых влиятельных женщин в мире, с явно антикоммунистическим мировоззрением. Он радушно принял ее, как и всех остальных, в круг своих корреспондентов.

В новогоднем письме к Клэр Бут Люс Мертон поделился мыслями о том, что следующий год будет знаменательным. «Хотя все будет хорошо, – писал он, – мы не можем не осознавать в преддверии 1962 г., что у нас есть такие обязанности и задачи, с которыми мы, возможно, уже не способны справиться». «Наш неожиданный и мощный технологический прорыв, – заметил Мертон, – сделал нас слугами нашего собственного оружия. Наше оружие теперь диктует нам, что мы должны делать. Оно загоняет нас в угол. Оно обеспечивает нашу жизнь, оно поддерживает нашу экономику, оно придает уверенность нашим политикам, оно продает наши средства массовой информации. Одним словом, оно руководит нами. Но если оно будет и дальше править нами, мы, бесспорно, и умрем под его руководством»^[79].

Мертон был монахом, живущим в уединении, и не смотрел телевизор и лишь изредка читал газеты. Тем не менее у него был широкий круг корреспондентов и сверхъестественное чутье, на которое он всегда опирался. Именно поэтому в письме Клэр Бут Люс он не мог не упомянуть стратегическую ядерную проблему, которая подведет человечество к краю пропасти в октябре 1962 г.: «И сейчас [наше оружие] четко дало нам понять, что оно и “упреждающий удар” находятся, по сути, в одной упряжке. Оно дает преимущество тем, кто первый им воспользуется. Следовательно, никто не хочет быть вторым, а значит, опоздать. Таким образом, оружие удерживает нас в состоянии ярости и отчаяния, когда приходится держать палец на кнопке и не отрывать глаз от экрана радара. Знаете, что происходит, когда вы очень долго на что-то смотрите? Вы начинаете видеть то, чего там нет. Вполне возможно, что в 1962 г. наше оружие “скажет” кому-нибудь из наблюдающих, что ожидание было слишком долгим, и он послушает его, и тогда мы все погибнем»^[80].

«Мы должны четко выражать свои мысли и быть разумны в своих суждениях, – заключил Мертон, – и мудрыми в выражении наших мыслей и идей, где, когда и кому бы мы их

⁸ Генри Робинсон Люс (1898–1967) – журналист и медиамагнат. Создатель журналов *Time*, *Fortune*, *Life*. Стойкий антикоммунист, член тайного общества «Череп и кости». – *Прим. науч. ред.*

не высказывали». «Вот почему я говорю именно с тобой, – с надеждой сказал он Люс. – Мы должны всеми силами пытаться сохранить здравомыслие у этой нации и удержать ее от безумства, которое приведет к нашей и ее гибели, а может быть, и к уничтожению всего христианского мира»^[81].

В то время, когда Мертон бросил вызов догмам холодной войны Клэр Бут Люс, он обратился с подобными вопросы морали к другой влиятельной женщине, Этель Кеннеди⁹. Это был период, когда Мертон все еще мало доверял Джону Кеннеди. Тем не менее он все же приглядывался к человеку, который, как и он сам, был глубоко обеспокоен сложившейся атмосферой холодной войны. Свое письмо к Этель Кеннеди, написанное в декабре 1961 г., он начал с того, что провел параллель между взглядами Джона Кеннеди и своими собственными: «Мне очень понравилась речь президента в Сиэтле. Она меня просто воодушевила, поскольку я как раз закончил писать работу на эту же тему»^[82]. Мертон имел в виду речь, которую президент произнес в Вашингтонском университете в ноябре 1961 г., когда он обозначил свой отказ, который перекликался с его собственным, от ложной альтернативы «лучше быть мертвым, чем красным». Кеннеди выразил свое отношение к этой ложной дилемме и к тем, кто выбрал любую из этих сторон: «Любопытно, но каждая из этих крайностей напоминает другую. Каждый считает, что у нас есть только два варианта: умиротворение или война; самоубийство или капитуляция; унижение или холокост; умереть или остаться красным»^[83].

Мертон провел расширенный анализ того же клише холодной войны «лучше быть мертвым, чем красным» в книге «Мир в постхристианскую эру» (Peace in the Post-Christian Era), которую его монастырское руководство запретило публиковать. В ней он отмечал: «Мы стремимся успокоить наше безумие путем использования все более и более бессодержательных клише. И в такие небезобидные в своей абсурдности времена пустые лозунги приобретают страшную силу»^[84].

Лозунг, который он и Кеннеди привели в пример как иллюстрацию бессодержательности, зародился в Германии и звучал как «Лучше оставаться красным, чем быть мертвым». «Американцы ловко применили это выражение, – отмечает Мертон, – но использовали его в другом порядке, демонстрируя вызов и непокорность. Лозунг “Лучше быть мертвым, чем красным” был ответом на неспособный к действию и декадентский цинизм. Это было осуждение “политики умиротворения”. (Все, что рассматривалось как ядерное нападение на СССР, приравнивалось к политике “умиротворения”)

Что игнорировала героическая бессодержательность выражения «лучше быть мертвым, чем красным» – это «настоящее мужество терпеливого, смиренного, упорного труда, шаг за шагом, через честные переговоры, растущее взаимопонимание, в конечном итоге снимающее напряжение и приводящее к определенному соглашению, результатом которого может стать принятие серьезных мер по разоружению»^[85] – именно то, чем, как он надеялся, будет заниматься деверь Этель Кеннеди в Белом доме. В своем письме к ней Мертон продолжал хвалить Джона Кеннеди, но делая это, он одновременно призывал его прорваться сквозь пропаганду «холодной войны» и говорить правду: «Я думаю, то обстоятельство, что президент работает с утра до ночи, заставляет людей обратить внимание на сложившуюся ситуацию, и, возможно, это будет его самым важным делом. Безусловно, наша основная потребность в истине, а не в “образах” и лозунгах, которые “получают техническое одобрение”. Мы живем в мире иллюзий. Мы ничего не знаем ни о себе, ни о наших противниках. Мы сами мифы, а они – мифы для нас. И нам по секрету говорят, что мы можем справиться с ними, как шерифы по телевизору. Это нельзя назвать реальностью. Президент, как никто другой, может заставить людей посмотреть фактам в лицо»^[86].

⁹ Этель Кеннеди (род. в 1928 г.) – жена Роберта Кеннеди. Училась в колледже вместе с Джин Кеннеди, младшей сестрой братьев Кеннеди. После убийства мужа – общественная активистка в сфере прав человека. – *Прим. науч. ред.*

Стараясь не обидеть президента, поэтому не обращаясь конкретно к Джону Кеннеди, но тем не менее подчеркивая значимость сказанного для него, Мертон продолжил: «Мы не можем бесконечно полагаться на временное равновесие сил устрашения. Как христиане мы должны помнить о своем долге, возможно, мы окажемся в очень непростом положении с точки зрения политики, но мы можем также заслужить Божью милость, что для нас очень важно»^[87].

Мертон молился, чтобы именно христиане – и еще больше конкретный христианин, Джон Кеннеди – уверились в своем долге выступить против ядерного террора, что поставило бы президента в «очень непростое положение как политика». Помимо молитвы Мертон делал больше, чем писал слова протеста на оборотной стороне конвертов. Он обращался к президенту через Этель Кеннеди с призывом мужественно следовать зову совести. Независимо от того, читал ли Джон Кеннеди любезные послания Мертона к его невестке, вскоре, а именно в октябре 1962 г., ему пришлось благодарить Бога за то, что человечеству удалось выжить.

С точки зрения его собственных размышлений о военном перевороте у Джона Кеннеди случился второй «залив Свиней». Президент испортил отношения с ЦРУ и военными своими решениями во второй раз во время Карибского кризиса.

Возможно, Карибский кризис был одним из наиболее опасных моментов в истории человечества. В течение 13 дней с 16 по 28 октября 1962 г., когда Советский Союз установил ядерные ракеты на Кубе, президент Кеннеди открыто требовал, чтобы Никита Хрущев немедленно демонтировал и вывел их с Кубы. Кеннеди также установил морскую блокаду, преградив тем самым путь советским кораблям, следовавшим к острову. Игнорируя тот факт, что ракеты США уже были размещены в Турции на границе с Советским Союзом, Кеннеди назвал развертывание советских ракет на Кубе «преднамеренно провокационным и необоснованным изменением статус-кво, что неприемлемо для данной страны»^[88]. Несмотря на воинственную позицию Кеннеди, возможное разрешение кризиса путем взаимных уступок с его стороны и со стороны Хрущева не было положительно оценено поборниками жесткого курса в холодной войне.

Ракетный кризис возник, потому что, как писал в своих мемуарах Никита Хрущев: «Мы были совершенно уверены, что вторжение [в залив Свиней] было только началом, и что американцы не оставят Кубу в покое»^[89]. Чтобы защитить Кубу от угрозы повторного вторжения со стороны США, Хрущев сказал, что «он решил установить ракеты с ядерными боеголовками на Кубе, не ставя в известность об этом Соединенные Штаты до тех пор, пока не будет слишком поздно что-либо предпринимать»^[90]. Его стратегия преследовала две цели: «Главное, как я считаю, размещение наших ракет на Кубе будет сдерживать Соединенные Штаты от опрометчивых военных действий против правительства Кастро. Кроме того, что наши ракеты будут защищать Кубу, они также смогут выровнять то, что Запад любит называть “балансом сил”. Американцы окружили нашу страну военными базами и угрожали нам ядерным оружием, а теперь они на себе испытают, каково это знать, что вражеские ракеты направлены на них»^[91].

Хрущев упустил из виду ожесточение, царившее в Америке во время холодной войны. Как выразился Мертон в письме, датированном мартом 1962 г., «первая и самая значимая из всех заповедей гласит, что Америка не будет и не должна быть побеждена в холодной войне, а вторая выглядит так, что если для предотвращения поражения необходима кровопролитная война, то нужно вести кровопролитную войну, даже если это приведет к гибели цивилизации»^[92]. И в этой ситуации на Кубе вдруг обнаруживаются советские ракеты, что ставит президента Кеннеди в такое положение, которое, как сказал Мертон, «невозможно до абсурда». В борьбе между добром и злом с применением оружия, способного уничтожить весь мир, размещение советских ракет в 150 км от Флориды сразу же вызвало в Вашингтоне соблазн нанести упреждающий удар. Предупреждение Мертона в письме Клэр Бут Люс о нанесении упреждающего удара в том году начинало сбываться. По мере оборудования стартовых позиций для советских ракет на Кубе росло давление на президента Кеннеди в необходимости превентив-

ных действий со стороны США. Однако Кеннеди сопротивлялся стремлению его советников к развязыванию ядерной войны, которая, как сказал он им, очевидно, станет «окончательным провалом»^[93].

Во время кризиса он тайно записывал на магнитофон встречи в Белом доме. Записи были рассекречены, расшифрованы и опубликованы в конце 1990-х гг.^[94] Они показывают, насколько одинок был президент в своем решении блокировать дальнейшую поставку советских ракет, а не применять ядерное оружие и нападать на Кубу. Никогда больше он не находился в такой изоляции и не испытывал такого давления по поводу нанесения массированного авиаудара, как во время встречи с Объединенным комитетом начальников штабов 19 октября 1962 г. В этом столкновении презрение военных к их молодому главнокомандующему отразилось в речи начальника штаба ВВС, генерала Кертиса Лемей¹⁰, бросившего вызов президенту:

Лемей: Подобная идея [блокада и политические выступления] почти настолько же плоха, как попытки умиротворения [Гитлера] в Мюнхене [конференция 1938 г. в Мюнхене, где Великобритания, пытаясь избежать войны с нацистской Германией, вынудила Чехословакию уступить свои территории Гитлеру] ...Я просто не вижу другого решения, кроме незамедлительного прямого военного вмешательства.

Историк, изучавший магнитофонные записи по ракетному кризису более 20 лет, Шелдон Стерн, отметил на этом месте паузу в разговоре, во время которой члены Объединенного комитета начальников штабов «должны были затаить дыхание, ожидая реакции президента. Генерал зашел слишком далеко, и это уже не было похоже на совет, не говоря уже о прозвучавшем в его словах несогласии с решением главнокомандующего. Он использовал сильную метафору того поколения, сравнивая текущую ситуацию с близорукостью и трусостью решения, принятого в 1938 г. в Мюнхене для примирения с Гитлером, и бросил ее в лицо президенту».

«Джон Кеннеди, – говорит Стерн, – продемонстрировал удивительную выдержку и не поддался на провокацию. Он просто промолчал»^[95].

Неловкую тишину нарушил спор начальников штабов ВМС, сухопутных войск и морской пехоты по поводу незамедлительных военных действий по бомбардировке и вторжению на Кубу. Генерал Лемей вмешался в спор, напомнив Кеннеди о своих резких заявлениях по поводу реагирования на установку наступательного оружия на Кубе. Он почти насмеялся над президентом:

Лемей: Я думаю, что блокада и политические разговоры будут восприняты многими нашими союзниками и нейтральными государствами, как довольно слабый ответ на сложившуюся ситуацию. И я уверен, что многие граждане нашей страны будут такого же мнения.

Другими словами, в настоящий момент вы находитесь в довольно незавидном положении.

Кеннеди: Что вы сказали?

Лемей: Я говорю, что вы сейчас находитесь в довольно незавидном положении.

Кеннеди: [смеется] Вы лично со мной в одной лодке^[96].

Дискуссия продолжалась еще какое-то время; пока Кеннеди пытался получить от военных дополнительную информацию, Лемей старался подтолкнуть президента к санкционирова-

¹⁰ Генерал Кертис Лемей (1906–1990) – начальник штаба (командующий) ВВС США в 1961–1965 гг., четырехзвездный генерал (генерал-полковник). Инициатор ковровых бомбардировок городов Японии в годы Второй мировой войны. Организатор атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Ярый антикоммунист, сторонник превентивной ядерной войны с Советским Союзом. – *Прим. науч. ред.*

нию массированной атаки на советские ракеты, кубинскую ПВО и все системы связи. Ближе к концу встречи Кеннеди отклонил все аргументы в пользу немедленного массированного удара и поблагодарил собравшихся.

Кеннеди: Я ценю ваши взгляды. Как я уже сказал, я уверен, что мы все понимаем, что у нас нет иного выбора^[97].

Через несколько минут президент вышел из комнаты, но запись продолжается. Остались генерал Лемей, начальник штаба армии генерал Эрл Уилер и начальник корпуса морской пехоты генерал Дэвид Шуп. Из всех представителей Объединенного штаба Шуп обычно был наиболее лояльным по отношению Кеннеди, но в этот раз он хвалил Лемея за его нападение на президента:

Шуп: Ты... выдернул ковер прямо из-под его ног.

Лемей: Черт возьми! Что, черт возьми, ты имеешь в виду?

Шуп: ...Он наконец удосужился произнести слово «эскалация»... Когда он говорит «эскалация», он имеет в виду именно ее. Если бы кто-то заставил его отказаться от этой чертовой поэтапности... В этом и есть наша проблема.

Лемей: Именно так.

Шуп: Тебя давят, давят, давят... А могли бы сказать, – сделай это, сукин сын, и сделай все как надо или проваливай.

Лемей: И я о том же^[98].

Записи из Белого дома показывают, что Кеннеди противостоит натиску как Объединенного комитета начальников штабов, так и Исполнительного комитета Совета национальной безопасности¹¹. Единственное заявление Роберта Кеннеди в поддержку решения президента против упреждающего удара не слышно в записи. В своих мемуарах о ракетном кризисе «Тринадцать дней» (Thirteen Days), Роберт писал, что во время разговора он передал записку президенту: «Теперь я знаю, что чувствовал Тодзио, когда планировал атаку на Перл-Харбор»^[99].

О том, какие были отношения между Джоном и Робертом Кеннеди, можно понять из рассказа Роберта о своем брате в один из самых страшных моментов кризиса. В среду, 24 октября, поступило сообщение о том, что советскую подводную лодку чуть было не атаковали американские вертолеты, оснащенные глубинными бомбами. Чудо, что два советских корабля, которые она сопровождала, повернули обратно от границы блокируемой территории. Президент опасался, что он полностью потерял контроль над ситуацией и что ядерная война была неизбежна. Роберт посмотрел на брата:

«Он поднял руку к лицу и прикрыл рот. Он сжимал и разжимал кулак. Казалось, его лицо вытянулось, глаза стали почти серыми и в них читались боль и страдания. Мы неотрывно смотрели друг на друга, находясь по разные стороны стола. В течение нескольких секунд казалось, что там никого не было и он больше уже не был президентом.

Не знаю почему, но в этот момент я подумал, что он выглядел именно так, как когда он болел и чуть не умер; когда он потерял ребенка; когда мы узнали, что наш старший брат погиб; когда у него были личные проблемы и тяжелые ситуации. Голоса продолжали звучать...»^[100]

Чудо произошло благодаря врагу – Никите Хрущеву. Он отдал приказ советским кораблям остановиться и не пытаться прорвать блокаду, установленную США. В этот момент он спас Джона Кеннеди и всех остальных.

¹¹ Исполнительный комитет – специальная группа, созданная в структуре СНБ президентом Джоном Кеннеди из 13 ближайших к нему лиц, подобранных не только по должности, но и по степени доверия. Считается, что она была создана специально для выработки решений в ходе Карибского ракетного кризиса, хотя обсуждала и другие вопросы. – *Прим. науч. ред.*

Что подтолкнуло Хрущева к такому решению? Этот случай не упоминается в его мемуарах, как и другая, тайная глава, которая могла бы помочь объяснить этот факт, – секретная переписка Никиты Хрущева с Джоном Кеннеди.

В июле 1993 г. Государственный департамент США, отвечая на запрос канадской газеты в соответствии с Законом о свободе информации, рассекретил тайную переписку между Джоном Кеннеди и Никитой Хрущевым – 21 письмо^[101]. Эту личную конфиденциальную переписку двух лидеров – участников холодной войны, начавшуюся в сентябре 1961 г. и продолжавшуюся на протяжении двух лет, мы внимательно изучим, чтобы пролить свет на отношения, имеющие решающее значение для сохранения мира.

Хрущев отправил свое первое личное письмо Кеннеди 29 сентября 1961 г. во время Берлинского кризиса. Завернутое в газету, оно было доставлено пресс-секретарю Кеннеди Пьеру Сэлинджеру в номер гостиницы в Нью-Йорке советским «редактором журнала» и агентом КГБ Георгием Большаковым, которому доверял Хрущев. Повышенная секретность позволяла не привлекать внимания как советской, так и американской стороны. Как сказал 30 лет спустя помощник президента Теодор Соренсен, Хрущев «рисковал, держа эти письма в секрете как от (советских) военных, так и от Министерства иностранных дел и высокопоставленных чиновников в Кремле. Если бы эти письма обнаружили, им были бы очень недовольны»^[102].

Первое письмо Хрущева было написано на даче на берегу Черного моря. Хотя Берлинский кризис еще не закончился, советский лидер начал переписку со своим врагом с размышлений о красоте моря и опасности войны. «Уважаемый господин президент, – писал он, – сейчас я на берегу Черного моря... Это действительно прекрасное место. Как бывший военный моряк, вы, несомненно, оценили бы по достоинству эти пейзажи, красоту моря и величие Кавказских гор. Под этим ярким южным солнцем даже трудно поверить, что в этом мире все еще существуют проблемы, которые из-за отсутствия решений бросают зловещую тень на мирную жизнь и на будущее миллионов людей»^[103].

В Вене Кеннеди был потрясен тем, насколько жестким и бескомпромиссным выглядел Хрущев. Теперь, когда угроза войны из-за Берлина все еще была актуальна, Хрущев выражал сожаление по поводу встречи в Вене. Он сказал, что «в последнее время много думал о развитии международных событий со времени нашей встречи в Вене и решил написать вам это письмо. Весь мир надеется, что наша встреча и откровенный обмен мнениями возымеют успокаивающий эффект, направят отношения между нашими странами в нужное русло и будут способствовать принятию решений, которые дадут людям уверенность в том, что наконец на земле установится мир. К моему сожалению – и, я полагаю, к Вашему – этого не произошло»^[104].

Тем не менее надежды Кеннеди на мир даже в условиях воинственных заявлений, которыми он и Хрущев обменялись публично, все же были услышаны его коллегой. Хрущев продолжал с глубоким уважением:

«Я с большим интересом слушал отчет, подготовленный нашими журналистами Аджубеем и Харламовым по итогам встречи с вами в Вашингтоне. Они рассказали мне много интересного. Вы впечатлили их своей простотой, скромностью и открытостью, которые, как правило, не свойственны людям, занимающим такое высокое положение».

Хрущев снова упомянул встречу в Вене, на этот раз как причину, по которой он решил написать это письмо:

«В мыслях я не раз возвращался к нашей встрече в Вене. Я помню, что вы подчеркивали, что не хотите войны и предпочитаете жить в мире с нашей страной, конкурируя в мирных сферах. И хотя последующие события развивались не в желаемом направлении, я подумал, что возможно, было бы полезно обратиться к вам в неформальной форме и поделиться некоторыми из моих идей. Если вы не согласны со мной, можете считать, что этого письма не существовало, и, естественно, я, со своей стороны, не буду использовать эту корреспонденцию

в своих публичных заявлениях. Ведь только в конфиденциальной переписке можно сказать все, о чем думаешь, не обращая внимания на прессу, на журналистов».

«Как видите, – добавлял он извиняющимся тоном, – начал я с описания прелестей черноморского побережья, но затем все же перешел к политике. Но по-другому и быть не могло. Говорят, когда пытаешься выпроводить политику через дверь, она все равно возвращается обратно через окно, особенно когда окна открыты»^[105].

Первое личное письмо Хрущева к Кеннеди было написано на 26 страницах. Оно было непосредственно о политической ситуации, в частности о событиях в Берлине (где оба лидера отказались от развязывания войны, но так и не достигли соглашения) и о гражданской войне в Лаосе (где они согласились признать нейтральное правительство). Хотя в процессе написания Хрущев забыл об умиротворенном настроении на побережье Черного моря и изо всех сил отстаивал свою точку зрения, он так же настаивал на необходимости мира, как Кеннеди в Вене. Коммунист подчеркнул общность их позиций библейской аналогией. Хрущеву нравилось сравнивать их положение «с Ноевым ковчегом, где нашли приют как “чистые”, так и “нечистые” животные. Но независимо от того, кто причисляет себя к “чистым”, а кто к “нечистым”, они все в равной степени заинтересованы в одном – чтобы Ковчег успешно продолжал свой путь. И у нас нет другой альтернативы: либо мы должны жить в мире и сотрудничать, чтобы удерживать Ковчег на плаву, либо он пойдет ко дну»^[106].

Кеннеди написал ответное письмо Хрущеву 16 октября 1961 г. из своей резиденции в Хайянис-Порте на берегу океана. Он начал в аналогичном ключе:

«У моей семьи уже много лет здесь находится дом с видом на Атлантический океан. Дома моего отца и братьев расположены неподалеку, и у моих детей всегда есть компания кузенов и кузин. Это идеальное место для отдыха по выходным летом и осенью, где можно расслабиться, подумать, посвятить свое время главным задачам вместо постоянных встреч, телефонных звонков и других отвлекающих моментов. Поэтому я прекрасно понимаю, как вы себя чувствуете на побережье Черного моря, откуда вы написали мне, поскольку я сам ценю эту возможность побыть вдали от постоянного шума Вашингтона».

Он поблагодарил Хрущева за инициирование переписки и согласился держать ее в секрете: «Конечно, вы правы, подчеркивая, что эта переписка должна оставаться полностью тайной, на нее не должно быть ссылок в публичных заявлениях, и уж тем более о ней не должна знать пресса». Их личная переписка должна дополнять публичные заявления «и предоставить каждому из нас шанс обращаться друг к другу открыто, честно и по существу. Никто из нас не собирается менять социальные, экономические или политические взгляды другого. Ни один из нас не будет использовать эти письма с тем, чтобы подтвердить или ниспровергнуть какие-то свои вопросы. Таким образом, эти письма могут быть лишены полемики холодной войны».

Кеннеди всецело согласился с библейской метафорой Хрущева: «Мне очень понравилась приведенная вами аналогия с Ноевым ковчегом, что и “чистые”, и “нечистые” заинтересованы в сохранении его на плаву. Какими бы разными мы ни были, наше тесное сотрудничество во имя сохранения мира не менее, если не более важно, чем это требовалось для достижения победы в последней мировой войне»^[107].

После года частной переписки, которая включала в себя не только дебаты о холодной войне, к октябрю 1962 г. Кеннеди и Хрущев так и не смогли разрешить имеющиеся разногласия. Доказательством этого был ракетный кризис. Их взаимное уважение уступило место недоверию, противостоянию и движению в сторону войны, которую они оба ненавидели. В недели, предшествовавшие кризису, Хрущев чувствовал себя обманутым планами Кеннеди повторно вторгнуться на Кубу, тогда как Кеннеди считал, что Хрущев предал его, тайно разместив ядерные ракеты на Кубе. И они снова вернулись к тем убеждениям относительно холодной войны, которые угрожали миру на земле. Тем не менее когда они встречались друг с другом и отдавали потенциально деструктивные для всего мира приказы, благодаря венской встрече и их секрет-

ной переписке каждый знал другого еще и как человека, которого есть за что уважать. Они также знали, что когда-то согласились считать мир Ноевым ковчегом, который и «чистые», и «нечистые» должны держать на плаву. Именно в этом мире, где «чистые» и «нечистые» одинаково находились под угрозой ядерной войны, Хрущев остановил свои корабли, и Ковчег остался на плаву.

Однако кризис еще не закончился. Строительство пусковых площадок набирало обороты. Советники Пентагона и Исполкома Совета национальной безопасности усилили давление на президента, настаивая на нанесении превентивного удара.

В пятницу вечером 26 октября Кеннеди получил обнадеживающее письмо от Хрущева, в котором глава СССР согласился вывести свои ракеты. В обмен на это Кеннеди обещал не вторгаться на Кубу. Однако в субботу утром Кеннеди получил второе, более неоднозначное письмо от Хрущева, в котором он добавил к вышеперечисленным условиям требование убрать аналогичные ракеты США из Турции. Взамен Хрущев обещал не нападать на Турцию. Услуга за услугу.

Кеннеди был озадачен. Второе предложение Хрущева было разумным для установления паритета. Однако Кеннеди понимал, что не может так сразу предать союзника по НАТО, не признавая на тот момент, что он требовал от Хрущева сделать то же самое в отношении его союзника Кастро.

В то время как Объединенный комитет начальников штабов требовал от президента нанести авиаудары в понедельник, поступило срочное сообщение, которое еще больше усилило это давление. Рано утром в субботу советская ракета класса «земля-воздух» сбила самолет-разведчик U-2 над Кубой. В результате погиб пилот ВВС США майор Рудольф Андерсон – младший¹². Объединенный комитет и Исполком Совета национальной безопасности уже рекомендовали нанести ответный удар в таком случае. Теперь они настоятельно призывали сделать это уже следующим утром, чтобы уничтожить пусковые установки. «Казалось, – говорил Роберт Кеннеди, – что петля затягивается на всех нас, на американцах, на человечестве, и что мосты для отступления рушились на глазах»^[108]. «Но опять, – добавляет он, – президент поставил всех на место»^[109]. Джон Кеннеди запретил ВВС отвечать на инцидент с U-2. Он продолжал искать варианты мирного разрешения ситуации. В Объединенном комитете начальников штабов встревожились. Роберт Кеннеди и Теодор Соренсен подготовили письмо, в котором они соглашались принять первое предложение Хрущева, игнорируя при этом его последнее требование о выводе США своих ракет из Турции.

Когда военные ветры задули вокруг Белого дома, Джон и Роберт Кеннеди встретились в Овальном кабинете. Роберт позже описал те мысли, которыми с ним поделился брат.

Сначала он говорил о майоре Андерсоне и о том, как он мужественно принял смерть, в то время как политики, сидя дома, с важным видом разглагольствовали о великих проблемах. Он говорил о просчетах, ведущих к войне: к войне, которую русские не хотят не меньше, чем сами американцы. Он хотел убедиться, что сделал все возможное, чтобы предотвратить страшную развязку, особенно то, что русским были предоставлены все варианты для возможного мирного урегулирования, которые не ударят по их безопасности и не поставят их в унижительное положение. Но «мысль, которая больше всего его беспокоила, – сказал Роберт, – и кото-

¹² Самолет U-2 был уничтожен советским расчетом ЗРК С-75 под командованием майора И. Герченова. До сих пор нет единого мнения, как принималось решение. Вопреки мнению Джона Кеннеди, Хрущев мог и не иметь отношения к эпизоду. Первоначально решение об обстреле американских самолетов в воздушном пространстве Кубы было принято Фиделем Кастро, передано в Москву командующим советскими войсками генералом армии И. Плиевым, где оно и было утверждено министром обороны маршалом Р. Малиновским. Но в данном случае согласование решения об уничтожении американского самолета заняло около 30 минут, что говорит о серьезных колебаниях советского командования. Существует версия, что окончательное решение об открытии огня было принято командиром 27-й дивизии ПВО полковником Георгием Воронковым без окончательной санкции Москвы. После доклада в Москву в ответной телеграмме якобы содержалась фраза «вы поторопились». Но никаких оргвыводов не последовало. – *Прим. науч. ред.*

рая рисовала гораздо более страшные перспективы войны, чем можно было представить, была мысль о смерти детей в этой стране и во всем мире – молодых людей, которые были совершенно ни при чем, которые даже ничего не сказали, которые ничего не знали о конфронтации, но чья жизнь закончится так же, как и жизнь всех остальных. У них никогда не будет шанса принимать решения, голосовать на выборах, баллотироваться на какой-либо пост, возглавлять революции, определять свои собственные судьбы».

«Именно это, – написал Роберт в статье, опубликованной после его собственного убийства, – беспокоило его больше всего, причиняло ему такую боль. И тогда он и госсекретарь Раск решили, что я должен встретиться с послом Добрыниным и лично передать озабоченность президента»^[110].

Встреча Роберта Кеннеди с советским послом Анатолием Добрыниным дала толчок историческому заявлению Хрущева о выводе ракет. Хрущев написал в своих мемуарах о том, что, по его мнению, Роберт Кеннеди сказал Добрынину и что тот передал Хрущеву:

«Президент находится в сложном положении, – сказал Роберт Кеннеди, – и не знает, как из него выйти. Мы находимся под сильным давлением. На нас давят военные с призывом применить силу против Кубы... Мы хотим попросить вас, г-н Добрынин, передать слова президента Кеннеди председателю Хрущеву по неофициальным каналам... Хотя сам президент очень не хочет начинать войну против Кубы, необратимая цепочка событий может привести к этому помимо его воли. Именно поэтому президент обращается напрямую к главе Советского Союза за помощью в урегулировании этого конфликта. Если ситуация слишком затянется, то президент не уверен, что военные не свергнут его и не захватят власть»^[111].

После распада Советского Союза МИД России рассекретил телеграмму посла Добрынина от 27 октября 1962 г., где говорится о его переломной встрече один на один с Робертом Кеннеди. Отчет Добрынина содержит менее драматическую версию, чем воспоминания Хрущева о словах Роберта Кеннеди относительно давления военного командования на президента Кеннеди: «тянуть время в поисках выхода из ситуации очень рискованно. (Здесь Р. Кеннеди упомянул, как будто невзначай, что среди генералов и не только генералов много горячих голов, у которых “руки чешутся”.) Ситуация может выйти из-под контроля с необратимыми последствиями»^[112].

Роберт Кеннеди в собственном изложении обстоятельств этой встречи в книге «Тринадцать дней» не упоминает о том, что говорил Добрынину о давлении военных на президента. Однако его друг и биограф Артур Шлезингер говорит, что независимо от сказанных Добрынину слов, Роберт Кеннеди сам считал тогда, что многие стремятся развязать войну. Роберт полагал, что ситуация может полностью выйти из-под контроля^[113].

В любом случае, Хрущев почувствовал серьезность давления на президента. Он ответил выводом с острова своих ракет.

Существуют ли какие-либо доказательства того, что военное руководство США, воспользовавшись ракетным кризисом, пыталось не свергнуть Кеннеди, а обмануть его? Пыталось ли оно развязать войну в предчувствии возможности победить?

Как пишет политолог Скотт Саган в своей книге «Пределы безопасности» (The Limits of Safety), ВВС США запустили межконтинентальную баллистическую ракету с военно-воздушной базы Ванденберг 26 октября 1962 г., за день до того, как был сбит самолет-разведчик U-2. Испытательная ракета без боеголовки после запуска упала на атолле Кваджалейн (Маршалловы острова). Советский Союз легко мог предположить другое. За три дня до этого испытательная ракета на базе Ванденберг получила ядерную боеголовку и была приведена в полную боевую готовность. К 13 октября девять «испытательных» ракет на базе Ванденберг были оснащены для использования против Советов^[114]. В разгар ракетного кризиса пуск ракеты ВВС США 26 октября мог быть расценен Советами как начало нападения. Это была опасная провокация. Если бы Советы отреагировали на эту ситуацию, продемонстрировав какие-либо при-

знаки запуска собственных ракет, вся громада ракет и бомбардировщиков США могла быть направлена для нанесения превентивного удара. Они уже были приведены в максимальную боевую готовность для начала ядерной войны (уровень боеготовности DefCon-2)¹³ и были способны в любой момент нанести массированный удар.

Кроме того, в разгар кризиса, как узнал писатель Ричард Роудс из беседы с командующим ВВС в отставке, «стратегические бомбардировщики во время боевого дежурства сознательно пролетали мимо своих обычных разворотных пунктов в направлении Советского Союза, что представляло собой недвусмысленную угрозу, которую советские ПВО, безусловно, распознали и о которой доложили»^[115]. Обладая значительным превосходством по количеству ракет и бомбардировщиков, ВВС США были готовы нанести упреждающий удар при обнаружении малейшего признака реакции Советского Союза на их провокацию. К счастью, Советы не стали огрызаться.

У президента Кеннеди были все основания считать, что военные его провели, чтобы выиграть в вопросе приостановки ядерных испытаний. Кеннеди, возможно, также вспомнил, что Хрущев в своем втором тайном письме президенту от 9 ноября 1961 г., где говорилось о Берлине, дал понять, что давление на него сторонников военного решения вопросов в Москве делает затруднительным компромисс с его стороны. «Вы должны понимать, – взывает он к Кеннеди, – мне некуда отступать, за мной уже пропасть»^[116]. Кеннеди не дал ему упасть. Теперь Кеннеди стоял на краю пропасти, и Хрущев понял это.

Хрущев вспомнил слова Роберта Кеннеди в конце доклада Добрынина: «Я не знаю, сколько еще мы сможем продержаться против наших генералов»^[117]. Поскольку Хрущев также получил срочное сообщение от Кастро о том, что нападение США на Кубу «почти неизбежно»^[118], он поспешил ответить: «Мы поняли, что нам нужно незамедлительно скорректировать нашу позицию... Мы послали американцам сообщение о том, что согласны вывести наши ракеты и бомбардировщики при условии, что президент гарантирует нам, что Куба не подвергнется вторжению со стороны Соединенных Штатов или кого-либо еще»^[119].

Кеннеди согласился, и Хрущев начал выводить советские ракеты. Карибский кризис был разрешен^[120]. Ни одна из сторон не упомянула, что в качестве части соглашения Роберт Кеннеди фактически пообещал Анатолию Добрынину относительно аналогичного вывода американских ракет из Турции, что они также будут выведены, но не сразу^[121]. Это невозможно было сделать в одностороннем порядке одновременно. Обещание было выполнено. Через полгода Соединенные Штаты вывели свои ракеты из Турции.

Спустя четверть века после Карибского ракетного кризиса государственный секретарь Дин Раск рассказал, что президент Кеннеди был готов пойти на дальнейшие уступки Хрущеву, чтобы избежать войны. Раск открыл, что 27 октября, после ухода Роберта Кеннеди на встречу с Добрыниным президент «поручил мне позвонить ныне покойному Эндрю Кордье, тогда [президенту] Колумбийского университета, и продиктовать ему заявление, которое должен был сделать У Тан, генеральный секретарь Организации Объединенных Наций [и друг Кордье], предложив вывести ракеты средней дальности Jupiter [из Турции] и советские ракеты с Кубы. Г-н Кордье должен был передать это заявление в руки У Тана только после нашего дополнительного сигнала»^[122]. Раск позвонил Кордье. Однако, когда Хрущев принял обещание Роберта Кеннеди Добрынину, что ракеты Jupiter будут выведены, дальнейшая готовность Кеннеди к публичным переговорам при посредничестве У Тана потеряла необходимость. Готовность пре-

¹³ DefCon (Defense Condition) – шкала боеготовности вооруженных сил США, отражающая степень напряженности военно-политической ситуации и вероятности военного конфликта. Состояние DefCon-2 предшествует ожиданию прямого военного нападения на США и является последней стадией боеготовности мирного времени. За всю историю существования шкалы состояние DefCon-2 объявлялось только в ходе Карибского кризиса, хотя формально и только для Стратегического авиационного командования. Все остальные компоненты вооруженных сил США находились в состоянии боеготовности DefCon-3. – *Прим. науч. ред.*

зидента пойти дальше в переговорах с Хрущевым ценой тяжелых политических потерь для себя лично повергла в шок бывших членов Исполнительного комитета Совета национальной безопасности, которым Раск впервые рассказал об этом на конференции в Хоукс-Кей (Флорида) 7 марта 1987 г.

Уровень несоответствия готовности Кеннеди к переговорам с Хрущевым по ракетно-ядерному вопросу и правил политической игры того времени можно проиллюстрировать на моем собственном опыте. В мае 1963 г. я написал статью о папе Иоанне XXIII и его энциклике «Мир на Земле» (*Pacem in Terris*). Она была опубликована Дороти Дэй в ее радикальной пацифистской газете *Catholic Worker*. В статье говорилось, что в соответствии с развиваемой папой Иоанном XXIII темой укрепления взаимного доверия, как основы для мира, Соединенным Штатам следует разрешить Карибский ракетный кризис с Советским Союзом путем переговоров о взаимной ликвидации ракетных баз. Ни Дороти Дэй, ни я не знали, что наша политически неприемлемая точка зрения совпала с тем обязательством, которое взял на себя президент Кеннеди в разгар этого кризиса, невзирая на высокую политическую цену, и фактически выполнил его в условиях строгой секретности совместными усилиями с Никитой Хрущевым^[123].

Как близко Соединенные Штаты и Советский Союз подошли к ядерному холокосту?

С точки зрения Объединенного комитета начальников штабов, недостаточно близко. Единственная реальная опасность, по их мнению, была связана с отказом президента от нанесения удара по русским на Кубе.

На встрече президента с начальниками штабов 19 октября, когда генерал Лемей отстаивал необходимость неожиданного удара по русским ракетам, президент Кеннеди скептически спросил: «Как вы думаете, каким будет их ответ?»

Лемей сказал, что никакого ответа не будет, если Кеннеди предупредит Хрущева, что готов воевать и в Берлине.

После того, как адмирал Джордж Андерсон высказал ту же точку зрения, Кеннеди резко ответил: «Они не могут позволить нам просто взять и уничтожить, после всех их заявлений, уничтожить их ракеты, перебить кучу русских, и ничего... ничего не сделать в ответ»^[124].

После встречи президент пересказал этот разговор своему помощнику Дейву Пауэрсу: «Можете ли вы представить себе, что Лемей сказал такое? У всей этой военной верхушки есть один большой плюс. Если мы послушаемся и сделаем то, что они от нас хотят, никого из нас не останется в живых, чтобы сказать им о том, что они были неправы»^[125].

Разговаривая со своим другом Джоном Кеннетом Гэлбрейтом осенью того же года, Кеннеди снова гневно высказался о безрассудном давлении на него советников, как военных, так и гражданских, в вопросе бомбардировки кубинских пусковых установок. «У меня никогда не было ни малейшего намерения так поступить», – заявил президент^[126].

Спустя 30 лет после кризиса министр обороны правительства Кеннеди Роберт Макнамара удивился, узнав из статьи, вышедшей в одном российском издании в ноябре 1992 г., что в разгар кризиса советские войска на Кубе обладали в общей сложности 162 ядерными боезарядами. В ней сообщалось и о еще более стратегически важном факте, о котором тогда не знали Соединенные Штаты, что ракеты находились в состоянии полной боевой готовности. За день до того, как был сбит U-2, 26 октября 1962 г., ядерные ракеты на Кубе были готовы к запуску. В свете такого открытия Макнамара написал в своих мемуарах:

«Со всей очевидностью существовал большой риск того, что перед лицом атаки со стороны Соединенных Штатов, которую, как я говорил, многие в правительстве США, как военные, так и гражданские, были готовы рекомендовать президенту Кеннеди, советские войска на Кубе решат использовать свое ядерное оружие, а не просто лишиться его.

Нам даже не надо пытаться представить, что произошло бы в этом случае. Можно дать абсолютно точный прогноз результатов таких действий... Чем бы это закончилось? Полной катастрофой»^[127].

В кульминационные моменты холодной войны сопротивление Джона Кеннеди давлению сторонников нанесения первого удара в сочетании с сообразительностью и готовностью к уступкам Никиты Хрущева спасло жизни миллионов людей, а возможно и существование самой планеты.

Однако в те дни, когда компромисс считался изменой, американские военачальники не были удовлетворены тем, как урегулировали кризис Кеннеди и Хрущев. Объединенный комитет начальников штабов был возмущен отказом Кеннеди от нападения на Кубу и его известными уступками Хрущеву. Макнамара вспоминал, как откровенно выражали свои чувства генералы: «После того, как Хрущев согласился вывести ракеты, президент Кеннеди пригласил начальников штабов в Белый дом, чтобы поблагодарить их за поддержку во время кризиса, и там произошла одна ужасная сцена. Лемей вышел, сказав: “Мы проиграли! Мы просто обязаны сегодня же войти туда и выбить их!”»^[128]

Роберт Кеннеди тоже был поражен гневными нападками начальников штабов на президента. «Реакция адмирала [Джорджа] Андерсона на новости, – отмечает он, – была такой: “Нас поймали”»^[129].

«Военные безумны, – сказал президент Кеннеди Артуру Шлезингеру. – Они хотели это сделать»^[130]. Однако, как бы не злились военачальники на Кеннеди за урегулирование ядерного кризиса, через год их гнев будет еще сильнее. Они станут свидетелями того, как «президент холодной войны» не только откажется от первого удара, но и решительно возьмет курс на примирение с врагом.

Утром в воскресенье 28 октября после того, как Кеннеди и Хрущев согласились взаимно отозвать свои самые грозные ракеты, Джон Кеннеди отправился на мессу по случаю Дня благодарения в Вашингтон. Когда они с Дейвом Пауэрсом садились в служебный автомобиль, Кеннеди посмотрел на Пауэрса и сказал: «Дейв, сегодня у нас есть еще один повод помолиться»^[131].

В Гефсиманском аббатстве ответ Томаса Мертона на разрешение Карибского кризиса также выразился в благодарственной молитве. Он написал Даниэлю Берригану: «Что касается Кубы, слава Богу, на этот раз мы избежали последствий нашей собственной глупости. Мы успешно попадаем в позиции, где нужно “нажимать кнопку” и т. п. Я все больше осознаю, что весь этот военный вопрос – девять десятых нашей собственной сфабрикованной иллюзии... Я думаю, что Кеннеди хватает здравого смысла, чтобы избежать наихудших несправедливых деяний, он действует так, будто знает, что надо делать. Но, похоже, мало кто еще это понимает»^[132].

Что касается урегулирования президентом кризиса, Мертон написал Эгге Гуллику в Англию: «Конечно, обстоятельства были такими, какими были, у Кеннеди практически отсутствовали альтернативы. Я же возражаю против того, чтобы обстоятельства были такими, как результат глупости и близорукости политиков, у которых нет как таковых политических взглядов»^[133].

В письме Этель Кеннеди он продолжил эту мысль: «Кубинское дело было крайне опасным, но в таких обстоятельствах, я думаю, Джон Кеннеди справился с этим очень хорошо. Я говорю об обстоятельствах, потому что только мимолетный взгляд на эту ситуацию доставляет радость. Это был кризис, нужно было что-то делать, и выбор был лишь из нескольких зол. Он выбрал наименьшее из зол, и это сработало. В целом все это продолжает оставаться гадким»^[134].

Днем в воскресенье 28 октября, после разрешения кризиса, Роберт Кеннеди вернулся в Белый дом и долго беседовал с президентом. Когда Роберт собрался уходить, Джон сказал, намекая на смерть Авраама Линкольна: «Этим вечером мне нужно пойти в театр». Его брат

ответил: «Если пойдешь ты, пойду с тобой и я»^[135]. Прошло не так много времени, прежде чем это случилось с обоими.

Третьим заливом Свиней для Джона Кеннеди было его обращение к студентам Американского университета в Вашингтоне. Редактор *Saturday Review* Норман Казинс так обобщил смысл этой замечательной речи: «10 июня 1963 г. в Американском университете президент Кеннеди предложил положить конец холодной войне»^[136].

«Рыцарь» холодной войны Джон Кеннеди возвращался в прямом библейском смысле этого слова (*teshuvah* – «возвращение к Богу» в Еврейских писаниях, *metanoia* – «переосмысление» по-гречески, «покаяние» (*repentance*) – по-английски). В Карибском кризисе Джон Кеннеди как президент Соединенных Штатов начал раскаиваться и отворачиваться от соучастия в худшем проявлении американского империализма – готовности уничтожить мир, чтобы «спасти его» от коммунизма. Тем не менее, отойдя от края пропасти, Кеннеди, казалось, был не способен начать движение в новом направлении.

После разрешения ракетного кризиса он был одновременно полон надежд и разочарований. Неизбежность всеобщего уничтожения заставила его и Хрущева искать пути к новым переговорам. Однако на протяжении нескольких месяцев после кризиса противникам, казалось, никак не удавалось использовать эту возможность.

Они сходились во мнении, что запрещение ядерных испытаний должно стать очередным важным шагом от края пропасти. Тем не менее у того и у другого была уже история проведения ядерных испытаний, загрязнявших атмосферу и усиливавших напряженность. В ответ на ядерные испытания Советского Союза летом 1961 г. Кеннеди возобновил 25 апреля 1962 г. в США испытания в атмосфере. Затем с апреля по ноябрь 1962 г. Соединенные Штаты осуществили серию из 24 ядерных взрывов в южной части Тихого океана^[137].

В контексте их хрупкого перемирия в ракетном кризисе и ядерных испытаний в манере «око за око» Кеннеди и Хрущеву было чрезвычайно трудно договариваться о запрещении испытаний. Хрущев заявил, что Соединенные Штаты используют свое условие об инспектировании ядерных полигонов как стратегию шпионажа за СССР. Во имя мира он уже согласился на условие США о трех ежегодных инспекциях, но это привело лишь к тому, что американцы вдруг потребовали больше. Кеннеди на это ответил, что Хрущев неправильно понял исходную позицию США. На что Хрущев просил посредника передать:

«Можете сказать президенту, что я принимаю его объяснение о честном недопонимании и предлагаю двигаться дальше. Но следующий шаг за ним»^[138].

Кеннеди принял вызов Хрущева. Его речь в Американском университете преодолела мертвую точку, изменив контекст. Выразив понимание позиции русских, Кеннеди достучался до Хрущева. Теперь у них было пять с половиной месяцев, оставшиеся до убийства Кеннеди, для выстраивания мирных отношений. В то время как речь Кеннеди вызвала доверие Хрущева, между президентом и его собственными военными советниками и советниками по разведке разверзлась еще бóльшая пропасть. Для Пентагона и ЦРУ высказывания президента о мире в Американском университете, казалось, сделали его сообщником врага.

Их противодействие Кеннеди можно понять с точки зрения независимости, которую они приобрели за время холодной войны. Мы уже видели, как президент Трумэн ликовал при бомбардировке Хиросимы. Из-за своей неспособности понять страдания людей, попавших в зону ядерного гриба в Хиросиме и Нагасаки, администрация Трумэна открыла эру атомной дипломатии, в основе которой была гордыня. Чрезвычайно самоуверенный из-за пока «эксклюзивного» обладания атомной бомбой Трумэн пытался диктовать Советскому Союзу послевоенные условия в Восточной Европе. Через месяц после Хиросимы на лондонской встрече министров иностранных дел Советы отклонили требования США, подкрепленные атомным оружием. Джон Фостер Даллес, присутствовавший на лондонской встрече, расценил это как начало холодной войны^[139]. В сентябре 1945 г. Трумэн заявил, что он не заинтересован в меж-

дународном контроле над ядерным оружием. Если другие страны желают «догнать» Штаты, сказал он, «им [придется] делать это самим, как это делали мы». Трумэн согласился с комментарием друга о последствиях этой политики: «Тогда, господин президент, вот что последует за этим. Начало гонки вооружений»^[140].

Трумэн продолжал использовать бомбу в качестве угрозы для того, чтобы заставить Советы идти на уступки. Он считал, что успешно применил эту стратегию в Иране всего через семь месяцев после Хиросимы и Нагасаки. Советская армия продолжала оккупировать территории на севере Ирана, стремясь получить доступ к нефтяным месторождениям, подобным тем, что были у англичан на юге. Позже Трумэн рассказывал сенатору Генри Джексону, как вызвал в Белый дом советского посла Андрея Громыко. Президент потребовал, чтобы советские войска эвакуировались из Ирана в течение 48 часов, иначе Соединенные Штаты используют свое атомное оружие. «Мы сбросим бомбу на вас», – сказал он Громыко. Войска были выведены в 24 часа^[141].

Для сдерживания Советского Союза на более широком фронте Соединенные Штаты применяли стратегию «холодной войны». Политика сдерживания была сформулирована сотрудником Госдепартамента, дипломатом Джорджем Кеннаном, и опубликована в журнале *Foreign Affairs* под псевдонимом «Х» в июле 1947 г. Хотя Кеннан заявлял, что цель сдерживания была более дипломатической и политической, нежели военной, Пентагон окружил СССР американскими военными базами и силами патрулирования.

Чтобы соответствовать эффективности тоталитарного врага, военачальники США настаивали на введении закона, который позволит привести нацию в состояние постоянной готовности к войне. Таким образом, Закон о национальной безопасности 1947 г. заложил основы полицейского государства с его составляющими: Советом национальной безопасности, Советом по ресурсам для нужд национальной безопасности, Советом по вопросам снабжения, Советом по исследованиям и разработкам, Министерством обороны, Объединенным комитетом начальников штабов и Центральным разведывательным управлением (ЦРУ)^[142]. Прежде чем был принят этот закон, госсекретарь Джордж Маршалл предупреждал президента Трумэна о том, что тот предоставляет новому разведывательному агентству «почти неограниченные» полномочия^[143], об этой критике ЦРУ Трумэн вспомнит слишком поздно – после убийства Джона Кеннеди.

Совет национальной безопасности при Трумэне сделал 18 июня 1948 г. следующий шаг в «зыбучие пески» ЦРУ и утвердил сверхсекретную директиву NSC 10/2, которая давала санкции американской разведке на проведение широкого спектра тайных операций: «пропаганда, экономическая война, превентивные спецоперации, включая саботаж, антисаботаж, подрывные и эвакуационные работы; подрывная деятельность против враждебных государств, включая помощь подпольным движениям сопротивления, партизанам и силам освобождения из числа политэмигрантов»^[144]. ЦРУ теперь обладало полномочиями военизированной организации. Джордж Кеннан, который способствовал принятию NSC 10/2, сказал позже в свете истории, что это была «самая большая ошибка, когда-либо совершенная им»^[145].

Поскольку NSC 10/2 санкционировала нарушения международного права, она также сделала нормой ложь официальных органов власти, как незаменимое прикрытие. Все подобные мероприятия надлежало «планировать и реализовывать так, чтобы ответственность правительства США не была очевидной для не причастных к делу лиц, а в случае выявления участия правительства США у него должна быть возможность правдоподобно отрицать ответственность за них»^[146]. Доктрина национальной безопасности на основе «правдоподобного отрицания» соединила ложь с лицемерием. Это породило Франкенштейна.

Правдоподобное отрицание поощряло автономию ЦРУ и других тайных (разведывательных) агентств от правительства. Чтобы защитить видимую власть правительства от протестов и осуждения, ЦРУ было уполномочено не только нарушать международное право, но и делать это с минимумом согласований. Автономность ЦРУ шла рука об руку с правдоподобным отри-

панием. Чем более расплывчатым был приказ президента, тем он лучше подходил для последующего «правдоподобного отрицания». И чем меньше было согласований, тем более творчески подходило ЦРУ к толкованию того, о чем думал президент, особенно тот президент, который был с ним так не согласен, что хотел разорвать ЦРУ на тысячу кусочков и развеять по ветру.

На слушаниях по операциям разведки США в Сенате в 1975 г. под председательством сенатора Фрэнка Черча официальные представители ЦРУ неохотно рассказывали о своих попытках ликвидировать Фиделя Кастро. В конце 1960 г., без ведома президента Дуайта Эйзенхауэра, ЦРУ связалось с представителями преступного мира Джоном Росселли, Сэмом Джанканой и Сантосом Траффиканте и предложило им \$150 000 за убийство Кастро^[147]. Гангстеры были счастливы получить заказ от правительства США на убийство человека, который позакрывал их казино на Кубе. Они надеялись, что в случае успеха поставленный США премник Кастро снова позволит им открыть казино.

Весной 1961 г. без ведома нового президента Джона Кеннеди Отдел технического обслуживания ЦРУ подготовил партию ядовитых таблеток для Кастро. Таблетки были отправлены на Кубу через Джона Росселли. Замысел не удался, потому что кубинские агенты ЦРУ не смогли подобраться к Кастро достаточно близко, чтобы отравить его^[148]. Цель ЦРУ состояла в том, чтобы убить Кастро незадолго до вторжения в залив Свиней. Как сказал разработчик плана операции в заливе Свиней Ричард Бисселл, «убийство должно было подкрепить план [вторжения]. Предполагалось, что к моменту высадки десанта Кастро будет мертв. Однако очень немногие знали об этом пункте плана»^[149].

После того как президент Кеннеди уволил Бисселла из ЦРУ за его роль в заливе Свиней, Ричард Хелмс¹⁴, его преемник в качестве заместителя директора по планированию продолжил начатую Бисселлом разработку сценария по устранению Кастро. Хелмс признался комитету Черча, что он ни разу не проинформировал ни президента, ни вновь назначенного директора ЦРУ Джона Маккона о планах убийства. Он также не посвящал в эти планы никого из администрации Кеннеди. Хелмс сказал, что он не собирался утверждать план убийства, потому что не считал убийство предметом, который возможно было обсуждать с высшим руководством^[150]. Когда его спросили, был ли проинформирован президент Кеннеди, Хелмс ответил, что «никто не хочет компрометировать президента Соединенных Штатов, обсуждая в его присутствии убийство лидеров иностранных государств»^[151]. Он также не запрашивал разрешения специальной группы, курировавшей антикастровскую программу, потому как, по его словам, «он не мог представить себе, что такая вещь, как планирование убийства, может обсуждаться большой группой людей, заседающих в правительстве Соединенных Штатов»^[152].

Джон Маккон и другие члены администрации Кеннеди утверждали, что «убийство вышло за рамки антикастровского плана»^[153]. Однако Ричард Хелмс и другие сотрудники ЦРУ продолжали разрабатывать сценарии убийств вопреки воле президента.

В ноябре 1961 г., через семь месяцев после вторжения в залив Свиней, Джон Кеннеди спросил журналиста Тэда Шульца во время личной беседы в Овальном кабинете: «Что бы вы подумали, если бы я приказал убить Кастро?» Ошарашенный Шульц сказал, что он против политических убийств в принципе и, в любом случае, сомневается в том, что это решило бы кубинскую проблему. Президент откинулся на спинку кресла, улыбнулся и сказал, что проверял Шульца и согласен с его точкой зрения. По словам Кеннеди, «он находился под большим

¹⁴ Ричард Хелмс (1913–2002) – кадровый сотрудник американских спецслужб, проработавший там почти всю жизнь – с 1943 г. В молодости в качестве корреспондента одной из американских газет на Олимпийских играх 1936 г. взял интервью у А. Гитлера. Не исключено, что уже тогда имел отношение к американским спецслужбам. Специализировался на тайных операциях, в том числе и тех, к которым США не могли иметь прямого отношения. С 1966 по 1973 г. – глава ЦРУ. Участвовал в организации отстранения Р. Никсона от должности, за что уволен в отставку. В 1973 г. лжесвидетельствовал перед Сенатом под присягой относительно участия ЦРУ в свержении правительства С. Альенде. В 1977 г. приговорен к условному заключению и штрафу, но несмотря на это, в 1983 г. награжден президентом Р. Рейганом «Медалью национальной безопасности». – *Прим. науч. ред.*

давлением со стороны советников из спецслужб (которые не были названы), настаивающих на устранении Кастро, но сам он выступал категорически против на том основании, что, по моральным соображениям, Соединенные Штаты никогда не должны участвовать в политических убийствах».

«Я рад, что вы считаете так же», – сказал Кеннеди Шульцу^[154].

Ричард Хелмс, однако, так не считал. Хелмс был известен как «человек, умеющий хранить секреты», и это стало названием его биографии^[155]. Он был мастером использования возможностей правдоподобного отрицания, примером чего стало его руководство и контроль планов ЦРУ по организации убийства Кастро. Как рассказал Хелмс в своих показаниях Комитету Черча, он и другие ветераны холодной войны из числа сотрудников ЦРУ считали, что знают намерения президента лучше, чем сам президент. Такой подход создал проблему для ЦРУ и его союзника Пентагона, когда президент Кеннеди стал действовать по собственному разумению и решил положить конец холодной войне.

На протяжении нескольких недель, предшествовавших выступлению в Американском университете, Кеннеди тщательно готовился одним прыжком перейти к миру. Сначала он присоединился к премьер-министру Великобритании Гарольду Макмиллану, предложив Хрущеву новые переговоры на высшем уровне по договору о запрещении ядерных испытаний. Они предложили провести эти переговоры в Москве, что само по себе было жестом доверия. Хрущев согласился.

Чтобы показать серьезность своих намерений в переговорах, Кеннеди решил приостановить американские испытания в атмосфере в одностороннем порядке. Окруженный советниками, которые были сторонниками продолжения холодной войны, он принял решение самостоятельно – без их рекомендаций и консультаций. Ступая на этот путь, он знал, что немногие поддержат его, а кто-то может и помешать ему, прежде чем он доберется до цели. Он объявил о своей односторонней инициативе в Американском университете как о быстром способе начать переговоры о запрещении испытаний.

Как в своей речи, так и в своих действиях Кеннеди пытался ликвидировать плоды 18-летнего американско-советского раскола на два лагеря. Он видел агрессивность США по отношению к русским, достигшую пика в настойчивом стремлении Пентагона нанести превентивные удары по кубинским пусковым установкам для ракет. Принимая весной 1963 г. решение уйти от демонической диалектики холодной войны, Кеннеди знал, что у него мало союзников в его собственном правительстве.

Кеннеди изложил свои мысли о том, что он назвал «речью о мире», советнику и спичрайтеру Соренсену, и отправил его работать. Лишь некоторые из советников что-то знали о проекте. Один из них, Артур Шлезингер, рассказывал: «Нам было предложено выслать свои лучшие идеи Теду Соренсену и никому об этом не говорить»^[156]. Накануне выступления советские чиновники и корреспонденты Белого дома были в общих чертах предупреждены. Им сказали, что речь будет иметь важное значение^[157].

Президент Кеннеди представил свой доклад выпускникам Американского университета 10 июня 1963 г. как «самую важную тему на земле: мир во всем мире».

«Какой мир я имею в виду? – спрашивает он – Какого мира мы стремимся добиться? Не “американского мира”, навязанного американским оружием. Не мира могилы или рабской покорности. Я говорю об истинном мире, который делает жизнь на земле достойной того, чтобы ее прожить, о том мире, который позволяет людям и нациям развиваться, надеяться и строить лучшую жизнь для своих детей, не о мире исключительно для американцев, а о мире для всех людей, не о мире только в наше время, а о мире на все времена»^[158].

Отказ Кеннеди от «мира по-американски, навязываемого всем с помощью нашего оружия» был актом сопротивления тому, что президент Эйзенхауэр назвал в своем «Прощальном обращении» военно-промышленным комплексом. «Это соединение огромного военного

истеблишмента и гигантской военной промышленности, – предупреждал Эйзенхауэр за три дня до инаугурации Кеннеди, – абсолютно новое явление для Америки. Его сильное влияние – экономическое, политическое и даже духовное – ощущается в каждом городе, в каждом государственном учреждении, в каждом подразделении федерального правительства. . .»

«В правительственных кругах мы должны остерегаться необоснованного обретения влияния военно-промышленным комплексом, независимо от того, было ли оно востребованным или непреднамеренным. Предпосылки губительного роста неоправданного влияния существуют и будут сохраняться в будущем»^[159].

То, что Эйзенхауэр в последние часы своего президентства назвал величайшей угрозой нашей демократии, Кеннеди в разгар своего президентства выбрал целью противостояния. Военно-промышленный комплекс всецело зависел от «мира по-американски, навязываемого всем с помощью нашего оружия». Этот «мир», контролируемый Пентагоном, считался незаменимой системой, чрезвычайно выгодным средством сдерживания и победы над коммунизмом. Идя на большой риск, Кеннеди отвергал основы системы холодной войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Thomas Merton, "Chant to Be Used in Processions around a Site with Furnaces," in "The Nonviolent Alternative," edited by Gordon C. Zahn (New York: Farrar, Straus & Giroux, 1980), p. 262.

2.

Thomas Merton, "Peace in the Post-Christian Era" (Maryknoll, N. Y.: Orbis Books, 2004), p. 119. Запрещенная книга Мертона была в итоге издана в Orbis Books спустя 42 года после написания. Если в тексте Мертона заменить «коммуниста» на «террориста», то мир постхристианской эры сегодня ничем не будет отличаться от того, что существовал во время работы над книгой.

3.

Письмо Томаса Мертона У. Ферри от 18 января 1962 г., в "Letters from Tom: A Selection of Letters from Father Thomas Merton, Monk of Gethsemani, to W. H. Ferry, 1961–1968," edited by W. H. Ferry (Scarsdale, N. Y.: Fort Hill Press, 1983), p. 15.

4.

Thomas Merton, "Raids on the Unspeakable" (New York: New Directions, 1966), p. 5.

5.

Там же, с. 4.

6.

Peter Grose, "Gentleman Spy: The Life of Allen Dulles" (New York: Houghton Mifflin, 1994) p. 293.

7.

William Blum, "Killing Hope: U. S. Military and CIA Interventions since World War II" (Monroe, Me.: Common Courage Press, 1995).

8.

James W. Douglass, "The King Conspiracy Exposed in Memphis," in "The Assassinations," edited by James DiEugenio and Lisa Pease (Los Angeles: eral House, 2003), p. 492–509. Также доступно на веб-сайте журнала Probe. Копия судебного протокола по делу о насильственной смерти, открытому по иску семьи Мартина Лютера Кинга – младшего против Лойда Джоуэрса «и других неустановленных соучастников преступления», рассмотренному в Мемфисе в период с 15 ноября по 8 декабря 1999 г., доступна на веб-сайте www.thekingcenter.com.

9.

Thomas Merton, "The Sign of Jonas" (New York: Harcourt, Brace & Company, 1953), p. 334.

10.

Как отмечали библеисты Джон Маккензи и Уолтер Уинк, слишком буквальный перевод «сын человеческий» для слов Иисуса с арамейского на греческий был столь же бессмыслен, как и на английский. Эту арамейскую идиому Иисус использует для определения, кто он есть, в Евангелиях 82 раза. *Bar nasha* означает человечество, как в индивидуальном, так и собирательном смысле слова. То, что он говорит о себе как о человеке, он говорит и о человечестве в целом. Его история – это наша история. См. John L. McKenzie, "The New Testament without Illusion" (Chicago: Thomas More Press, 1980), p. 114–24; James W. Douglass, "The Nonviolent Coming of God" (Maryknoll, N. Y.: Orbis Books, 1991), p. 29–59; и Walter Wink,

“The Human Being: Jesus and the Enigma of the Son of the Man” (Minneapolis: Fortress Press, 2003).

11.

Евангелие от Марка 9:31; 10:32–34; от Матфея 17:22–23; 20:17–19; от Луки 9:22; 9:44; 18:31–33.

12.

“Dorothy Day: Selected Writings,” edited by Robert Ellsberg (Maryknoll, N. Y.: Orbis Books, 1983, 1992, 2005), p. 266.

13.

Nigel Hamilton, “JFK: Reckless Youth” (New York: Random House, 1992), p. 42, 104, 147–52; Robert Dallek, “The Medical Ordeals of JFK,” *Atlantic Monthly* (December 2002), p. 49–61.

14.

Цитата Джорджа Сmaterса в интервью Питеру Кольеру и Дэвиду Горовицу для их книги “The Kennedys: An American Drama” (New York: Warner Books, 1984), p. 208.

15.

Robert J. Donovan, PT 109 (New York: McGraw-Hill, 1961), p. 166.

16.

John Hersey, “Survival,” *New Yorker* (June 17, 1944), p. 34–37.

17.

Joan and Clay Blair, Jr., “The Search for J. F. K.” (New York: G. p. Putnam’s Sons, 1976), p. 376.

18.

Вступительное слово Роберта Кеннеди для книги John F. Kennedy, “Profiles in Courage” (New York: HarperPerennial, 1964), p. xii.

19.

Меланезийцы помнили о нем, как и он о них. 25 сентября 1962 г. Барни Росс присутствовал на встрече своего спасителя с Соломоновых островов Бенджамина Кеву и президента Кеннеди в Белом доме. Увидев друг друга, они сердечно обнялись. Кеннеди также пригласил двух других спасителей навестить его, но, к сожалению, его убили прежде, чем они смогли встретиться. Hamilton, “JFK,” p. 602.

20.

Цитируется по Helen O’Donnell, “A Common Good: The Friendship of Robert F. Kennedy and Kenneth p. O’Donnell” (New York: William Morrow, 1998), p. 48.

21.

Kenneth p. O’Donnell and David F. Powers, “Johnny, We Hardly Knew Ye” (Boston: Little, Brown, 1970), p. 46.

22.

Hamilton, “JFK,” p. 698.

23.

Arthur M. Schlesinger, Jr., "A Thousand Days" (Boston: Houghton Mifflin, 1965), p. 88.

24.

Там же.

25.

Там же.

26.

"Prelude to Leadership: The European Diary of John F. Kennedy," ed. Deirdre Henderson (Washington, D. C.: Regnery, 1995), p. 20.

27.

Там же, с. 7.

28.

Michael J. Hogan, "A Cross of Iron: Harry S. Truman and the Origins of the National Security State, 1945–1954" (Cambridge / New York: Cambridge University Press, 1998), p. 413.

29.

Интервью Грегга Геркена с Джеромом Визнером от 9 февраля 1982 г. Цитируется по Christopher A. Preble, "Who Ever Believed in the 'Missile Gap'? John F. Kennedy and the Politics of National Security," *Presidential Studies Quarterly* 33, no. 4 (December 2003), p. 816.

30.

Gareth Porter, "Perils of Dominance" (Berkeley: University of California Press, 2005), p. 14.

31.

Marcus G. Raskin, "Essays of a Citizen" (Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe, 1991), p. 52.

32.

"Let the Word Go Forth": The Speeches, Statements, and Writings of John F. Kennedy" (New York: Delacorte, 1988), p. 370–71.

33.

Herbert S. Parmet, "Jack: The Struggles of John F. Kennedy" (New York: Dial, 1980), p. 286.

34.

Schlesinger, "A Thousand Days," p. 553.

35.

Там же, с. 553–54.

36.

Там же.

37.

Richard D. Mahoney, "JFK: Ordeal in Africa" (New York: Oxford University Press, 1983).

38.

Hugh Sidey, introduction to "Prelude to Leadership," p. xxiv – xxv.

39.

Там же, с. xxix.

40.

"Public Papers of the Presidents: John F. Kennedy, 1961", "Inaugural Address" (Washington: U. S. Government Printing Office, 1962), p. 1.

41.

Thomas Merton, "Cold War Letters" (Maryknoll, N. Y.: Orbis Books, 2006), p. 4.

42.

Там же, с. 6.

43.

Из письма Томаса Мертона У. Ферри от 18 января 1962 г., "Letters from Tom: A Selection of Letters from Father Thomas Merton, Monk of Gethsemani, to W. H. Ferry, 1961–1968," edited by W. H. Ferry (Scarsdale, N. Y.: Fort Hill Press, 1983), p. 15.

44.

Evelyn Lincoln, "My Twelve Years with John F. Kennedy" (New York: Bantam Books, 1966), p. 230.

45.

Sidey, introduction to "Prelude," p. xxxii.

46.

Lincoln, "My Twelve Years," p. 230.

47.

Paul B. Fay, Jr., "The Pleasure of His Company" (New York: Dell, 1966), p. 162–63.

48.

Theodore C. Sorensen, "Kennedy" (New York: Konecky & Konecky, 1965), p. 606–7.

49.

Там же, с. 606.

50.

Arthur M. Schlesinger, Jr., "Robert Kennedy and His Times" (New York: Ballantine Books, 1978), p. 485.

51.

Charles Higham and Joel Greenberg, "The Celluloid Muse: Hollywood Directors Speak" (New York: New American Library, Signet reprint, 1972), p. 92; цитируется по Schlesinger, "Robert Kennedy."

52.

“The Bay of Pigs Invasion: A Comprehensive Chronology of Events,” in “Bay of Pigs Declassified,” edited by Peter Kornbluh (New York: New Press, 1998), p. 269–70.

53.

Там же, с. 275.

54.

Там же, с. 293.

55.

Там же, с. 296.

56.

Там же, с. 303.

57.

Там же, с. 305.

58.

Там же, с. 319–322.

59.

O'Donnell and Powers, “Johnny, We Hardly Knew Ye,” p. 274.

60.

Schlesinger, “Robert Kennedy,” p. 486.

61.

Lucien S. Vandenbroucke, “The ‘Confessions’ of Allen Dulles: New Evidence on the Bay of Pigs,” *Diplomatic History* 8, no. 4 (Fall 1984): p. 369; цитируется по Allen W. Dulles “Papers, handwritten notes,” Seeley G. Mudd Manuscript Library, Princeton University, Princeton, New Jersey.

62.

Noah Adams, *All Things Considered*, March 26 2001, hour 1, National Public Radio.

63.

Daniel Schorr, *All Things Considered*, March 26 2001, hour 1, National Public Radio.

64.

Haynes Johnson with Manuel Artime, Jose Perez San Roman, Emeido Oliva, and Enrique Ruiz-Williams, “The Bay of Pigs” (New York: Dell, 1964), p. 74.

65.

Там же.

66.

“Robert Kennedy in His Own Words,” edited by Edwin O. Guthman and Jeffrey Shulman (New York: Bantam, 1988), p. 245. Роберт Кеннеди также сказал: «На самом деле, как мы выяснили позже,

несмотря на приказ президента о недопущении использования американских войск, первые два человека, которые высадились в заливе Свиней были американцами. Их направило туда ЦРУ». Там же.

67.

Tom Wicker, John W. Finney, Max Frankel, E. W. Kenworthy, "C. I. A.: Maker of Policy, or Tool?" *New York Times* (April 25, 1966), p. 20.

68.

Schlesinger, "Robert Kennedy," p. 486.

69.

David T. Ratcliffe, "Understanding Special Operations: 1989 Interview with L. Fletcher Prouty" (Santa Cruz, CA: rat haus reality press, 1999), p. 170–71.

70.

Schlesinger, "Thousand Days," p. 428.

71.

Помимо бывшего директора ЦРУ Аллена Даллеса президент Линдон Джонсон 30 ноября 1963 г. назначил еще шестерых членов президентской Комиссии по расследованию убийства президента Кеннеди: Эрла Уоррена, председателя Верховного суда США, который возглавил Комиссию; Ричарда Расселла, сенатора от штата Джорджия; Джона Шермана Купера, сенатора от штата Кентукки; Хейла Боггса, члена палаты представителей от штата Луизиана; Джеральда Форда, члена палаты представителей от штата Мичиган, будущего президента США; Джона Макклоя, который во время Второй мировой войны был помощником министра обороны, далее президентом Всемирного банка, верховным комиссаром зоны США в Германии. Первым членом Комиссии Джонсон назначил Аллена Даллеса, который должен был стать там наиболее влиятельной персоной, но «для предупреждения возможной критики хода и итогов расследования со стороны либерального крыла в будущем ему нужен был Уоррен». Gerald D. McKnight, "Breach of Trust: How the Warren Commission Failed the Nation and Why" (Lawrence, Kans.: University Press of Kansas, 2005), p. 41.

72.

Willie Morris, "New York Days" (Boston: Little, Brown, 1993), p. 36.

73.

Цитируется по L. Fletcher Prouty, "The Secret Team" (New York: Ballantine, 1974), p. 472.

74.

Письмо 9 архиепископу Томасу Робертсу, London, декабрь 1961 г.; в "Cold War Letters," p. 26.

75.

Thomas Merton, "Witness to Freedom: Letters in Times of Crisis," edited by William H. Shannon (New York: Harcourt Brace, 1994), p. 77.

76.

Merton, "Cold War Letters," p. 65.

77.

Там же, с. 165.

78.

Gaeton Fonzi, "The Last Investigation" (New York: Thunder's Mouth, 1994), p. 53–59.

79.

Merton, "Cold War Letters," p. 43.

80.

Там же.

81.

Там же, с. 44.

82.

Merton, "Cold War Letters," p. 26.

83.

"Public Papers of the Presidents: John F. Kennedy, 1961, "Address in Seattle at the University of Washington's 100th Anniversary Program," November 16, 1961 (Washington: U. S. Government Printing Office, 1962), p. 726.

84.

Thomas Merton, "Peace in the Post-Christian Era" (Maryknoll, N. Y.: Orbis Books, 2004), p. 121–22.

85.

Там же, с. 122.

86.

Merton, "Cold War Letters," p. 29.

87.

Там же.

88.

"Public Papers of the Presidents: John F. Kennedy, 1961," "Radio and Television Report to the American People on the Soviet Arms Buildup in Cuba," October 22, 1962, p. 807.

89.

"Khrushchev Remembers," with introduction, commentary, and notes by Edward Crankshaw (Boston: Little, Brown, 1970), p. 492.

90.

Там же, с. 493.

91.

Там же, с. 494.

92.

Merton, "Cold War Letters," p. 96.

93.

«Теперь вопрос действительно в том, какие действия мы предпримем, чтобы снизить шансы на обмен ядерными ударами, что, безусловно стало бы фатальной ошибкой». Президент Джон Кеннеди, 18 октября 1962 г., 11:00, Зал совещаний Белого дома. Sheldon M. Stern, *Averting "The Final Failure"* (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2003), p. 95, 105–6.

94.

В 1997 г. Эрнст Мэй и Филип Зеликов отредактировали и опубликовали расшифровку аудиозаписей, связанных с Карибским кризисом, в своей книге "The Kennedy Tapes" (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997). В 2000 г. Шелдон Стерн, историк в библиотеке JFK с 1977 по 1999 г., поставил под сомнение точность этих расшифровок в своих статьях "What JFK Really Said," *Atlantic Monthly* 285 (May 2000), p. 122–28, и "Source Material: The 1997 Published Transcripts of the JFK Cuban Missile Crisis Tapes: Too Good to Be True?" *Presidential Studies Quarterly* 30 (September 2000), p. 586–93. Когда Зеликов, Мэй и Тимоти Нафтали выпустили исправленную версию расшифровок по Карибскому кризису "The Presidential Recordings: John F. Kennedy: Volumes 1–3, The Great Crises" (New York: W. W. Norton, 2001), Стерн подверг ее критике, указав в своей статье на оставшиеся ошибки "The JFK Tapes: Round Two," *Reviews in American History* 30 (2002), p. 680–88. Шелдон Стерн написал всеобъемлющий труд, посвященный обсуждению ракетного кризиса президентом Кеннеди и членами Исполнительного комитета Совета национальной безопасности (ExComm), цитируя собственные расшифровки аудиозаписей – *Averting "The Final Failure": John F. Kennedy and the Secret Cuban Missile Crisis Meetings* (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2003). Мои цитаты расшифровок аудиозаписей взяты из *Averting "The Final Failure."*

95.

Stern, *Averting "The Final Failure,"* p. 123–24.

96.

Там же, с. 126.

97.

Там же, с. 128.

98.

Там же, с. 129.

99.

Robert Kennedy, "Thirteen Days" (New York: Signet, 1969), p. 31.

100.

Там же, с. 69–70.

101.

Paul Wells, "Private Letters Shed Light on Cold War," *Montreal Gazette* (July 24, 1993), p. A1. Частная переписка между Кеннеди и Хрущевым была опубликована вместе с

официальными и публичными письмами лидеров холодной войны в томе материалов, выпущенным Госдепартаментом, “Foreign Relations of the United States [FRUS], 1961–1963, Volume VI: Kennedy-Khrushchev Exchanges” (Washington: U. S. Government Printing Office, 1996).

102.

Wells, “Private Letters,” p. A4.

103.

“FRUS 1961–1963,” vol. VI, p. 25.

104.

Там же, с. 25–26.

105.

Там же, с. 26.

106.

Там же, с. 35.

107.

Там же, с. 38–39.

108.

R. Kennedy, “Thirteen Days,” p. 97.

109.

Там же, с. 98.

110.

Там же, с. 106.

111.

“Khrushchev Remembers,” p. 497–98.

112.

Телеграмма посла Анатолия Добрынина в советское Министерство иностранных дел 27 октября 1962 г. Перепечатка в переводе в Richard Ned Lebow and Janice Gross Stein, “We All Lost the Cold War” (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994), p. 523–26. Цитируется по Jim Hershberg, “Anatomy of a Controversy: Anatoly F. Dobrynin’s Meeting with Robert F. Kennedy, Saturday, 27 October 1962,” The Cold War International History Project Bulletin (Issue 5, Spring 1995), доступна по адресу http://www.gwu.edu/~nsarchiv/nsa/cuba_mis_cri/.

113.

Schlesinger, “Robert Kennedy,” p. 561–62.

114.

Scott D. Sagan, “The Limits of Safety” (Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1993), p. 79.

115.

Richard Rhodes, "The General and World War III," *New Yorker* (June 19, 1995), p. 58–59.

116.

"FRUS 1961–1963," vol. VI, p. 57.

117.

"Khrushchev Remembers," p. 498.

118.

Письмо Фиделя Кастро Никите Хрущеву от 26 октября 1962 г, цитируется по Carlos Lechuga, "In the Eye of the Storm" (Melbourne: Ocean Press, 1995), p. 88.

119.

"Khrushchev Remembers," p. 498.

120.

Действительно, кризис продолжал тлеть до 20 ноября, когда президент Кеннеди объявил на пресс-конференции, что были решены два очень важных вопроса. Помимо вывода ядерных ракет Советский Союз согласился перебазировать с Кубы и бомбардировщики ИЛ-28, которые США считали наступательным оружием. Несмотря на невозможность инспектирования процесса вывода ракет и бомбардировщиков со стороны ООН из-за отказа Фиделя Кастро сотрудничать по данному вопросу, Советский Союз согласился оставлять вывозимое вооружение на палубах кораблей для того, чтобы США могли удостовериться в этом. "Kennedy Tapes," p. 664–65.

121.

Роберт Кеннеди на самом деле был более откровенен в своем дневнике, высказываясь о ракетном компромиссе США и СССР, чем это можно предположить по отредактированному тексту его посмертной работы «Тринадцать дней». На одной из московских конференций в январе 1989 г. бывший спичрайтер Кеннеди Теодор Соренсен заявил: «По словам посла Добрынина, в книге Роберта Кеннеди ошибочно говорится, что "сделка" по турецким ракетам была частью решения возникшего кризиса. И здесь я должен признаться своим американским коллегам и всем присутствующим здесь, что именно я был редактором книги Роберта Кеннеди. По сути, книга представляла собой дневниковые записи об этих 13 днях. В его дневнике четко говорилось, что это было частью сделки; но в то время это еще было тайной даже для американской стороны, за исключением нас шестерых, присутствовавших на том предварительном совещании в Белом доме. И я решился отредактировать записи в его дневнике. Поэтому посол в определенной степени прав, говоря, что дневник не столь точно передает неформальные переговоры». «Исповедь» Соренсена приведена в Hershberg, "Anatomy of a Controversy."

122.

Из-за болезни Раск не смог присутствовать в марте 1987 г. в Хоукс-Кей (Флорида) на встрече бывших членов Исполнительного комитета Совета национальной безопасности, но его письмо с откровенными признаниями было зачитано перед участниками конференции Макджорджем Банди, советником Кеннеди по вопросам национальной безопасности. Цитируется по James G. Blight and David A. Welch, "On the Brink" (New York: Noonday, 1990), p. 83–84.

123.

Дороти Дэй и приют для бездомных Catholic Worker были одной из остановок на пути формирования сознания Джона Кеннеди еще 20 лет назад. В своей книге “Loaves and Fishes”, увидевшей свет в 1963 г. незадолго до убийства президента, Дороти Дэй вспоминает ночь в 1940-х гг., когда «два члена клана Кеннеди» посетили ее в одном из приютов для бездомных Catholic Worker на Мотт-стрит в Нью-Йорке. Кеннеди, Дороти и еще ряд людей отправились в ночной ресторан и проговорили до рассвета. «Я помню, – писала она, – только то, что мы говорили о войне и мире, о человеке и государстве. Из памяти выветрилось, кто из сыновей Кеннеди присутствовал, но те, кто помнит эту встречу, говорят, что это был наш президент Джон Кеннеди и его старший брат Джозеф, который погиб на войне». Dorothy Day, “Loaves and Fishes” (New York: Curtis Books, 1963), p.159.

124.

Stern, “Averting “The Final Failure,” pp. 123, 125.

125.

O'Donnell and Powers, “Johnny, We Hardly Knew Ye,” p. 318.

126.

John Kenneth Galbraith, “A Life in Our Times” (Boston: Houghton Mifflin, 1981), p. 388.

127.

Robert S. McNamara, “In Retrospect” (New York: Random House, 1995), p. 341.

128.

Rhodes, “General and World War III,” p. 58.

129.

Schlesinger, “Robert Kennedy,” p. 565.

130.

Там же.

131.

Dave Powers, interview by Ted O'Brien, “Dave Powers & JFK,” WGBH-TV (1990).

132.

Томас Мертон, письмо Дэниелу Берригану от 27 ноября 1962 г.; в “The Hidden Ground of Love: The Letters of Thomas Merton on Religious Experience and Social Concerns”, edited by William H. Shannon (New York: Farrar, Straus & Giroux, 1985), p. 75.

133.

Merton, “Cold War Letters,” p. 190.

134.

Томас Мертон, письмо Этель Кеннеди от 14 мая 1963 г.; в “Hidden Ground of Love,” p. 447.

135.

R. Kennedy, “Thirteen Days,” p. 110.

136.

Norman Cousins, "The Improbable Triumvirate" (New York: W. W. Norton, 1972), p. 9.

137.

Richard Reeves, "President Kennedy: Profile of Power" (New York: Touchstone, 1993), pp. 312, 339, 514.

138.

Cousins, "Improbable Triumvirate," p. 101.

139.

Gar Alperovitz, "Atomic Diplomacy" (New York: Penguin Books, 1985), p. 8.

140.

Там же, с. 58.

141.

Daniel Ellsberg, "Call to Mutiny," in *Protest and Survive*, edited by E. p. Thompson and Dan Smith (New York: Monthly Review, 1981), pp. i-ii; цитата из статьи в *Time* (январь 1980 г.).

142.

Michael J. Hogan, "A Cross of Iron: Harry S. Truman and the Origins of the National Security State, 1945–1954" (New York: Cambridge University Press, 1998), p. 65.

143.

Там же, с. 56.

144.

Peter Grose, "Gentleman Spy: The Life of Allen Dulles" (New York: Houghton Mifflin, 1994), p. 293.

145.

Там же.

146.

Там же, цитата из NSC 10/2.

147.

"Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders: An Interim Report"; November 20, 1975 (Washington: U. S. Government Printing Office, 1975), pp. 74–77.

148.

Там же, с. 79–82.

149.

Интервью Люсьена Вандербрука с Ричардом Бисселлом, Фармингтон (штат Коннектикут), 18 мая 1984 г.; цитируется в Vandembroucke "Confessions" of Allen Dulles," p. 374.

150.

“Alleged Assassination Plots,” p. 151.

151.

Там же. с. 150.

152.

Там же, с. 151.

153.

Там же, с. 135.

154.

Tad Szulc, “Cuba on Our Mind,” *Esquire* (February 1974), p. 90. По словам Дэвида Тэлбота, хотя «критики Кеннеди утверждают, что он завел этот разговор с Шульцом для создания прикрытия на случай раскрытия заговора [против Кастро]», остальные считают это надуманным. Ричард Гудвин, советник Кеннеди, заявил, что если бы Кеннеди планировал убить Кастро, зачем ему было говорить об этом с репортером *New York Times*, «у которого уже на следующий день после смерти Кастро в руках была бы самая громкая история в мире!» Интервью Дэвида Тэлбота с Ричардом Гудвином в David Talbot, *Brothers* (New York: Free Press, 2007), p. 94. Фидель Кастро уверил и Тэда Шульца, и Этель Кеннеди, что Джон и Роберт Кеннеди «не причастны к покушениям ЦРУ на его жизнь». Там же, с. 94.

155.

Thomas Powers, “The Man Who Kept the Secrets: Richard Helms and the CIA” (New York: Alfred A. Knopf, 1979).

156.

Schlesinger, “Thousand Days,” p. 900.

157.

Sorensen, “Kennedy,” p. 731.

158.

“Public Papers of the Presidents: John F. Kennedy, 1963,” p. 460. Все последующие цитаты из выступления в Американском университете взяты со с. 460–464.

159.

Президент Дуайт Эйзенхауэр, «Прощальное обращение», 17 января 1961 г., в “The President Speaks: From William McKinley to Lyndon B. Johnson,” edited by Louis Filler (New York: Capricorn Books, 1965), pp. 367–68.